

Польша въ 1814 — 1831 гг.

(Изъ воспоминаній генерала Клементія Колачковского) ¹⁾.

I.

Организація польскаго войска.—Польскіе генералы и офицеры.—Составъ корпуса инженеровъ.—Образованіе тайнаго общества „Польскихъ друзей“.

Въ 1814—1815 г.г. всѣ были заняты организаціей будущаго польскаго войска; съ этой цѣлью подѣ предѣдательствомъ великаго князя Константина Павловича была учреждена военная коммиссія, въ составъ которой вошли также генералы, сражавшіеся въ рядахъ польскаго войска въ 1791 и 1792 г.г., а именно: генералъ Вѣльгорскій, генералъ Вавржецкій, принявшій начальство послѣ Костюшки, и генералъ Сѣраковскій. Изъ нихъ первый служилъ въ италіанскихъ легіонахъ и отличился при оборонѣ Мантуи, но онъ уже былъ очень старъ и слабъ ногами. Вавржецкій съ 1794 по 1814 г., т. е. цѣлыхъ двадцать лѣтъ, былъ не у дѣлъ, но все еще былъ очень бодръ. Сѣраковскій зарабатывалъ въ это время средства къ жизни, занимаясь воспитаніемъ дѣтей въ богатыхъ домахъ и управляя имѣніями польскихъ магнатовъ. Онъ ничему не научился за это время, но ничего и не позабылъ. Его необычайная полнота, вошедшая въ поговорку, была ему чрезвычайно въ тягость и не позволяла ему быть дѣятельнымъ. Генералъ представлялъ изъ себя безформенную массу жира, вѣроятно совершенно неспособную мыслить, и ко-

¹⁾ Wspomnienia generała Klemensa Kołaczkowskiego. W. Krakowie. 1900.

торой трудно было сдвинуться съ мѣста; но эта масса занималась постоянно математическими выкладками и любила вести разговоръ объ этомъ предметѣ. Впрочемъ, въ изученіи математики Сѣраковскій никогда не пошелъ далѣе алгебры Снядецкаго и геометріи Гуллиера. Кромѣ этихъ генераловъ стараго закала въ комиссію были назначены генералы Домбровскій, Заюнчекъ и, если не ошибаюсь, Княжевичъ. Это было почтенное собраніе польскихъ ветерановъ, какихъ Польша уже болѣе не увидить. Не доставало только Костюшки.

Великій князь Константинъ Павловичъ, находившійся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ комиссіей, дѣятельно занялся организаціей польскаго войска.

Наконецъ было сформировано двѣ пѣхотныя дивизіи по 6 полковъ въ каждой, 1 полкъ л.-гв. гренадеръ, двѣ кавалерійскія дивизіи по 4 полка въ каждой и 1 л.-гв. егерскій полкъ.

Артиллерія и инженерный корпусъ были подчинены генералу Сѣраковскому; его помощникомъ по артиллеріи былъ назначенъ генералъ Редель, а по инженерному вѣдомству генералъ Малле (Mallet). Генералъ-квартирмейстеромъ былъ генералъ Маврикій Гауке, прославившійся при оборонѣ Замостья.

Я отправился къ этому послѣднему и заявилъ ему о своемъ желаніи служить подъ его начальствомъ, но когда о томъ былъ спрошенъ генералъ Малле, то онъ сказалъ, что я обѣщалъ остаться въ его корпусѣ, что было совершенно невѣрно; такъ какъ я не могъ, какъ подчиненный, указать, что это неправда, то и остался въ инженерномъ корпусѣ.

Мое нежеланіе оставаться въ этомъ корпусѣ зависѣло отъ его личнаго состава. Съ переходомъ Прондзинскаго въ квартирмейстерскую часть, въ немъ не осталось ни одного офицера, съ которымъ я могъ бы работать по-пріятельски. Многіе изъ инженеровъ носили нѣмецкія фамилии и были нѣмцами въ душѣ. Всѣ они знали свое ремесло практически, но совершенно не обладали теоретической подготовкой; къ тому же все это были люди весьма неблаговоспитанные, съ которыми нельзя было имѣть никакихъ отношеній помимо службы; за исключеніемъ Минтера это были простые техники. Изъ инженеровъ-поляковъ не было ни одного человѣка, на котораго я могъ бы положиться; почти всѣ они, за исключеніемъ подполковника Менцишевскаго, служившаго ранѣе въ австрійской арміи въ чинѣ капитана и воевавшего противъ насъ въ 1809 г., не были ни учеными, ни практиками и не выказывали ни малѣйшаго желанія усовершенствоваться въ инженерномъ дѣлѣ; при томъ, какъ всѣ малообразованные люди, они были высокомерны и задорны. Мнѣ нравился одинъ только поручикъ Вильсонъ, но такъ какъ онъ былъ страстный игрокъ, то я отъ него сторонился.

Нельзя сказать ничего лестнаго и о нашемъ начальствѣ. Малле хотя

и служилъ прежде инженеромъ во французскомъ войскѣ, но былъ весьма мало свѣдуещъ въ своемъ дѣлѣ; отъ него ничему нельзя было научиться; при этомъ онъ завидовалъ всякому мало-мальски талантливому чело-вѣку, былъ скрытенъ, никогда не держалъ своихъ обѣщаній, былъ низко-поклоненъ передъ начальствомъ и въ высшей степени эгоистиченъ; единственнымъ его качествомъ было то, что онъ не былъ жаденъ къ деньгамъ. Только тотъ офицеръ былъ у него на хорошемъ счету, ко-торый цѣлый день вычерчивалъ его нелѣпыя планы и воскурялъ ему еиміамъ.

Теоретическія знанія Малле были невелики; онъ не кончилъ поли-технической школы и только приобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія на практикѣ при осадѣ крѣпостей. Онъ не имѣлъ никакихъ убѣжденій и могъ въ одинъ и тотъ же вечеръ пѣть съ революціонерами *ça ira* ¹⁾, а съ мо-нархистами: *God save the king* ²⁾. «Съ волками жить, по-волчьи выть, другъ мой», говаривалъ онъ. Впрочемъ, Малле былъ чело-вѣкъ довольно уживчивый, привѣтливый и снисходительный по отношенію къ подчи-неннымъ. Нельзя было ненавидѣть такого чело-вѣка, но и любить его было не за что.

Его помощникомъ былъ подполковникъ Салацкій, инженерный офи-церъ, участвовавшій въ войнахъ 1792 и 1794 г.г.; не будучи ученымъ, онъ однако прекрасно зналъ военное дѣло. Его манеры и обхожденіе изобличали придворнаго, временъ Станислава Августа, который при-выкъ возлагать всѣ свои надежды на протекціи и интриги. Послѣ раз-дѣла Польши онъ отправился въ Пулавы подъ покровительство князя Адама Чарторыйскаго, бывшаго начальникомъ кадетскаго корпуса, по-лучилъ въ управленіе часть Пулавскихъ земель и нажилъ себѣ поряд-очное состояніе. Въ 1809 г., я засталъ его еще въ Пулавахъ, а по окончаніи войны онъ поступилъ снова на службу въ чинѣ капитана. Всѣмъ извѣстна его трагическая кончина въ ночь на 15-ое августа 1831 г.

Начальникомъ инженеровъ въ Замостыи былъ подполковникъ Лео-нардъ Іодко (Jodko). Онъ началъ службу въ литовскомъ инженерномъ корпусѣ; по образованію стоялъ немногимъ выше Салацкаго, но былъ болѣе опытенъ по службѣ; за то не имѣлъ внѣшняго лоска. Это былъ простой, добродушный литовецъ, хорошій товарищъ, вѣчно веселый, въ особенности за пріятельской бесѣдой и рюмкою вина.

Подполковникъ Гутковскій, бывшій директоромъ втораго кадетскаго корпуса въ Варшавѣ, по расформированіи этого корпуса, былъ назна-ченъ начальникомъ инженеровъ въ Люблинѣ. Этотъ офицеръ, никогда не выдавшій въ глаза непріятеля, имѣлъ такую уморительную наруж-

¹⁾ Революціонный гимнъ.

²⁾ Англійскій національный гимнъ.

ность, что онъ былъ посмѣшищемъ всей арміи. Онъ обладалъ довольно большими, но поверхностными знаніями, много, даже слишкомъ много писалъ и переводилъ, наполняя журналы и газеты своими статьями, но никогда не достигъ извѣстности. Гутковскій былъ членомъ «Общества любителей наукъ» въ Варшавѣ, но къ дѣйствительной службѣ совершенно былъ непригоденъ.

Подполковникъ Ронже (Ronget), по происхожденію французъ, бывшій до 1812 г. начальникомъ аппликаціонной школы, стоялъ немногимъ выше Гутковского по знанію военнаго дѣла, но прекрасно чертилъ и поэтому былъ назначенъ завѣдующимъ топографическимъ отдѣломъ. Къ строевой службѣ онъ былъ совершенно негоденъ, будучи туго на ухо. Это былъ человѣкъ добрый и обходительный. Четвертымъ штабъ-офицеромъ былъ подполковникъ Вильгельмъ Минтеръ, завѣдывавшій въ Варшавѣ постройкою военныхъ зданій. Минтеръ былъ уроженецъ Берлина, гдѣ онъ прошелъ курсъ строительнаго искусства. Послѣ занятія Варшавы пруссаками, онъ былъ приглашенъ княземъ Понятовскимъ въ его имѣніе архитекторомъ, а въ 1810 г. поступилъ въ корпусъ инженеровъ въ чинѣ капитана. Это былъ человѣкъ знающій и опытный въ своемъ дѣлѣ. Минтеромъ построены въ Варшавѣ по его проектамъ великолѣпныя казармы, подобныхъ которымъ нѣтъ ни въ одной столицѣ кромѣ Петербурга, и перестроены почти всѣ казенныя войсковыя зданія. Но онъ не обладалъ ни способностями, ни спеціальными знаніями, необходимыми военному инженеру, за то подъ его руководствомъ многіе молодые офицеры приобрѣли основательныя познанія въ гражданской архитектурѣ.

Подполковникъ Филиппъ Менцишевскій, состоявшій равнѣ въ австрійской службѣ и получившій образованіе въ извѣстной инженерной академіи въ Вѣнѣ, одинъ изъ всѣхъ вышепоименованныхъ лицъ обладалъ знаніями военнаго инженера. Онъ прекрасно зналъ не только высшую математику, но приобрѣлъ на австрійской службѣ умѣнье поддерживать тотъ образцовый порядокъ въ военной службѣ и въ администраціи, какимъ отличается австрійская армія.

Въ 1810 г. онъ поступилъ инженеръ-капитаномъ въ польскія войска и работалъ надъ укрѣпленіемъ Замостья; въ 1813 г. участвовалъ въ оборонѣ Модлина и послѣ капитуляціи этой крѣпости возвратился въ свой родной городъ, Краковъ, гдѣ преподавалъ высшую математику въ тамошней академіи. Поступивъ въ 1815 г. снова на службу въ польское войско, онъ былъ назначенъ состоять начальникомъ штаба при генералѣ Сѣраковскомъ; въ этой должности онъ былъ еще въ 1830 г., когда вспыхнуло возстаніе, жертвою котораго онъ палъ, будучи убитъ 29-го ноября однимъ изъ подпрапорщиковъ. Менцишевскаго не любили въ инженерномъ корпусѣ, такъ какъ, будучи самъ дѣятеленъ и строго исполнителенъ по

службѣ, онъ требовалъ того же и отъ подчиненныхъ. Это и было главною причиною его смерти.

Таковъ былъ въ то время составъ инженернаго корпуса.

Я ежедневно занимался служебными дѣлами въ инженерномъ управленіи, а въ свободное время бралъ частныя работы и занимался чтеніемъ и музыкой. Въ то время въ музыкальномъ мірѣ пользовался большою извѣстностью англичанинъ Фильдъ, жившій постоянно въ Петербургѣ; концертами его я сильно увлекался. Я познакомился также въ одной польской семьѣ съ молодымъ Скибицкимъ, который мастерски исполнялъ сочиненія Фильда. Вечера я проводилъ по большей части самымъ пріятнымъ образомъ въ домѣ маршала двора Бронца (Broniec), у котораго собиралось русское общество. У него бывали Моренгеймъ, личный секретарь великаго князя, адъютанты его высочества Феншъ, Тимирязевъ, кн. Александръ Голицынъ, Шахматовъ и Ильинскій, бывшій чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, графъ Ланской и многіе другіе.

Графъ Ильинскій былъ младшій сынъ сенатора, графа Ильинскаго, который пользовался особымъ благоволеніемъ императора Павла I и Александра I и славился на Волыни своей гордостью и чудачествомъ; но онъ имѣлъ и свои прекрасныя стороны. Воспользовавшись своимъ влияніемъ на императора Павла, онъ смягчилъ его гнѣвъ противъ поляковъ и болѣе, чѣмъ кто-либо иной, убѣдилъ государя возвратить свободу Костюшкѣ, Мостовскому, Нѣмцевичу и многимъ другимъ политическимъ плѣннымъ, приведеннымъ въ Петербургъ послѣ злополучнаго возстанія 1794 г. Поэтому, не смотря на свою гордость и смѣшную наруганность, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Его сынъ, Александръ, хотя былъ человѣкъ весьма способный, но былъ еще смѣшнѣе отца.

Вацлавъ Гутаковскій, сынъ первоприсутствующаго въ сенатѣ герцогства Варшавскаго, также часто бывалъ въ семействѣ Бронца и старался снискать расположеніе сестеръ Жанеты и Жози (Жозефины) Грудзинскихъ. Онъ не зналъ, которой изъ нихъ отдать предпочтеніе; онѣ обѣ были замѣчательно хороши собою. Наконецъ, послѣ долгаго ухаживанія, которое навсегда оставило глубокій слѣдъ въ сердцѣ Жанеты, онъ сталъ замѣтно отдавать предпочтеніе Жозѣ Грудзинской.

Конгрессъ, собравшійся въ Вѣнѣ 1-го ноября 1814 г., долго не могъ распутать сложныя отношенія, возникшія въ Европѣ, какъ вдругъ вѣсть о высадкѣ на югѣ Франціи ихъ общаго врага (Наполеона), подобно раскату грома, раздавшемуся среди яснаго неба, заставила всѣхъ участвовавшихъ на конгрессѣ монарховъ сплотиться тѣснѣе. Они вскорѣ пришли къ соглашенію относительно герцогства Варшавскаго, которое было подѣлено между Россіей и Пруссіей. Король саксонскій освободилъ насъ отъ данной ему присяги. Отнынѣ, организація страны, получившей, подъ скипетромъ императора Александра I, названіе царства Польскаго, могла совершаться

безпрепятственно точно такъ же, какъ и организація ея арміи. Достопамятно письмо, написанное въ то время императоромъ Александромъ сенатору Островскому, въ которомъ онъ извѣщалъ о дарованіи полякамъ конституціи на самыхъ либеральныхъ началахъ, обѣщая соблюдать ихъ народныя установленія и призывая поляковъ охранять дарованныя имъ этой конституціей права, если вѣншіе враги попытаются нарушить ихъ.

По полученіи извѣстія о бѣгствѣ Наполеона съ о. Эльбы, въ Вѣнѣ прекратилось веселье, прекратились танцы, по поводу которыхъ принцъ де Линь сказалъ остроумно: *le congrès danse, mais ne marche plus*. (конгрессъ танцуетъ, но не подвигается впередъ). Въмѣсто этого раздавалось бряцаніе оружія, поднятаго противъ нарушителя европейскаго спокойствія. Его голова была оцѣнена. На границѣ Франціи былъ сосредоточенъ милліонъ солдатъ, а между тѣмъ въ Польшѣ не замѣчалось ни малѣйшаго движенія. Было ли тому причиною, что жители, утомленные продолжительными войнами, жаждали покоя, или же, глядя на политическія событія безпристрастно, они считали предпріятіе Наполеона безнадежнымъ и не предвѣщавшимъ хорошаго конца. Только среди военной молодежи можно было подмѣтить нѣкоторое волненіе и сильное желаніе, чтобы военныя дѣйствія возобновились. Но такъ какъ организація польскаго войска еще не была окончена, то тогдашнее правительство герцогства Варшавскаго не видѣло причины сдерживать эти отдѣльныя проявленія воинственнаго пыла арміи.

Наконецъ до насъ стали доходить съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемая вѣсти съ театра военныхъ дѣйствій. Полученное прежде всего извѣстіе о побѣдѣ, одержанной Наполеономъ 16-го іюня подъ Линь надъ арміей генерала Блюхера, возбудило несбыточныя надежды всей военной молодежи, къ числу которой принадлежалъ и я; мы ожидали съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ новыхъ извѣстій о дальнѣйшихъ успѣхахъ французовъ. Пространство между Рейномъ и Вислою казалось ничтожнымъ для нашей окрыленной фантазіи. Можно себѣ представить, какое нами овладѣло уныніе, когда 18-го іюня въ Варшавѣ было получено извѣстіе о сраженіи при Ватерлоо и о страшномъ разгромѣ французской арміи. Всѣ наши мечты должны были поблѣкнуть передъ печальною дѣйствительностью. Отнынѣ наша судьба зависѣла всецѣло отъ императора Александра.

Въ началѣ ноября 1815 г. мнѣ было приказано отправиться въ Калишъ съ поручикомъ Близинскимъ, представить рапортъ о состояніи всѣхъ воинскихъ зданій Калишскаго воеводства, осмотрѣть въ окрестностяхъ Калиша всѣ монастыри и замки, и выяснитъ, для какихъ цѣлей они могли бы служить. Порученіе было не легкое и требовало усиленной работы.

Прежде всего я занялся самымъ Калишемъ, гдѣ мое особенное вниманіе обратили казармы кадетскаго корпуса, начальникомъ котораго былъ полковникъ Регульскій, служившій нѣкогда въ италіанскихъ легіонахъ и извѣстный своею храбростію. Это былъ человекъ образованный, но чрезвычайно гордый и надменный. Ко мнѣ онъ относился весьма любезно и деликатно. Его жена, которая была молода и хороша собою, была всегдашнимъ предметомъ его ревности; онъ никогда не спускалъ съ нея глазъ и невольно разыгрывалъ по отношенію ко мнѣ роль Бартоло къ Розинѣ (въ «Севильскомъ цирюльникѣ»).

Сдѣлавъ планы и чертежи военныхъ зданій Калишскаго воеводства, я въ исходѣ марта возвратился въ Варшаву и помѣстился вмѣстѣ съ моимъ пріятелемъ Прондзинскимъ.

Въ это время Игнатій Прондзинскій, Густавъ Малаховскій и я, всѣ трое молодые люди, изъ коихъ младшему, Густаву Малаховскому, было всего 20 лѣтъ, задумали составить кружокъ, который объединилъ бы воѣхъ поляковъ, желающихъ охранять свободу и народность, угнетенныя, какъ намъ тогда казалось, русскимъ владычествомъ. Эта мысль, возникшая въ нашихъ молодыхъ и горячихъ головахъ, сильно занимала насъ въ то время. Связавъ себя, какъ нѣкогда швейцарцы на горѣ Рютли, взаимной клятвой, мы рѣшили образовать тайное общество для развитія нашей идеи, выработали уставъ, въ силу котораго: во-первыхъ, всякій новый членъ, вступавшій въ общество по рекомендаціи кого-либо изъ его членовъ, принимался столь таинственнымъ образомъ, что онъ не могъ видѣть, кто его принимаетъ; во-вторыхъ, онъ не давалъ никакой клятвы, кромѣ честнаго слова, что онъ будетъ охранять польскую народность, старо-польскую честь и языкъ всѣми отъ него зависящими средствами; въ третьихъ, что онъ будетъ принимать въ наше общество своихъ друзей и знакомыхъ, достойныхъ носить польское имя такимъ же образомъ, какъ онъ самъ былъ принятъ. Было рѣшено не писать устава на бумагѣ, чтобы это общество не оставило по себѣ никакого слѣда. Нашимъ намѣреніемъ было дать понять принятымъ нами лицамъ, что наше общество существуетъ давно и что его цѣль и средства, коими оно располагаетъ, извѣстны только высшимъ членамъ. Нашъ кружокъ былъ названъ обществомъ «Польскихъ друзей». Въ знакъ принадлежности къ этому обществу мы заказали серебряныя кольца съ эмалевымъ ободкомъ малиноваго цвѣта, подъ которымъ были изображены двѣ буквы: Р. Р. («Przyjaciół polskich»). Этотъ въ сущности исполнѣ невинный кружокъ былъ первымъ изъ тѣхъ многочисленныхъ обществъ, которыя въ теченіе трехъ лѣтъ покрыли таинственной сѣтью всю Польшу, и къ которымъ присоединилась молодежь со всей Польши, Литвы, Волыни, Подольской губерніи и Украйны до самаго Кіева. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль нами были приняты, съ соблюденіемъ вышеописан-

ныхъ формальностей, капитанъ квартирмейстерской части Кошъ, подполковникъ квартирмейстерской части Бояновичъ, майоръ Плончинскій, гг. Собанскій, Домжальскій, Менцинскій, Жарекъ и нѣкоторые другіе.

При приемѣ этихъ членовъ мы позволяли себѣ иногда разныя шалости, свойственныя молодости. Такъ напр. употребляли потайной фонарь, который едва освѣщалъ лицо вновь вступавшаго; его окружали свидѣтели съ обнаженными саблями, закутанные въ плащи и стоявшіе въ самыхъ причудливыхъ позахъ; я помню, что Менцинскаго носили на старыхъ носилкахъ въ квартиру Коша и, не спуская его съ носилокъ, заставили его выслушать рѣчь, которая растрогала его до слезъ и т. д.

По мѣрѣ того какъ организація польскаго войска подвигалась впередъ, великій князь Константинъ Павловичъ выказывалъ все большую строгость и все менѣе стѣснялся въ проявленіяхъ своего характера. Забывая о томъ, что предъ нимъ находились ветераны италіанскихъ и испанскихъ легионовъ, которые по призыву отечества сами поспѣшили стать въ ряды войска, онъ сталъ обращаться съ офицерами и съ солдатами какъ съ крѣпостными и рекрутами. Отъ людей, покрытыхъ шрамами, полученными въ бояхъ, онъ требовалъ величайшей аккуратности въ головномъ уборѣ и въ движеніяхъ. Малѣйшее упущеніе въ этомъ отношеніи подавало поводъ къ неистовому проявленію его гнѣва. Не приходило смотра или ученья, на которомъ онъ своими насмѣшками не обидѣлъ бы кого-либо изъ офицеровъ въ строю и не оскорбилъ бы нашей народной чести. Всѣми овладѣло недовольство и даже отчаяніе. Офицеры, которые не могли долѣе переносить такого обращенія, стали подавать въ отставку.

Наскучивъ строгостями, великій князь искалъ отдохновенія въ лучшемъ обществѣ. Онъ началъ бывать въ замкѣ у маршала Бронца и за столомъ чая, въ обществѣ дѣвицъ Грудзинскихъ, казался совсѣмъ инымъ человекомъ. Онъ былъ чрезвычайно любезенъ и деликатенъ съ дамами, на балахъ ухаживалъ за ними, подавалъ шаль дамамъ, съ которыми онъ танцевалъ и т. п.

И тогда уже замѣчали его склонность къ старшей Грудзинской, Жанеттѣ, которая принимала его ухаживанье съ чувствомъ большаго достоинства. Любовь, которую великій князь такъ блестяще доказалъ ей въ послѣдствіи, зародилась въ немъ повидимому именно въ это время.

II.

Проведеніе демаркаціонной линіи между Польшею и Краковскою республикою.—Краковское общество.—Женитьба великаго князя Константина Павловича на Жанеттѣ Грудзинской.—Прибытіе въ Варшаву великаго князя Николая Павловича съ супругою.—Тайныя общества въ Польшѣ.—Подполковникъ Радонскій и капитанъ Курскій.—Императоръ Александръ I въ Варшавѣ въ 1823 году.

23-го іюня 1816 г. я былъ назначенъ завѣдующимъ работами по проведенію демаркаціонной линіи Краковской республики, подъ главнымъ начальствомъ генераль лейтенанта д'Овре (d'Ouvray), уполномоченнаго по разграниченію царства Польскаго.

Я отправился въ Краковъ и по пути остановился на день въ Конскомъ, имѣніи Станислава Малаховскаго, гдѣ я встрѣтилъ моихъ двоюродныхъ сестеръ, Жанетту и Антонину Грудзинскихъ, изъ коихъ первая была въ какомъ-то нервно-возбужденномъ состояніи, въ то время для меня совершенно непонятномъ, но причину котораго я узналъ довольно скоро.

Супруга Малаховскаго дала мнѣ рекомендательное письмо къ своей сестрѣ генеральшѣ Менцинской, жившей въ Краковѣ.

Приѣхавъ въ этотъ старинный городъ, ставшій столицею крохотной краковской республики, мы застали тамъ уполномоченныхъ отъ трехъ союзныхъ державъ, приѣхавшихъ для организаціи управленія республикою; то были графъ Шверцъ-Шперкъ,—австрійскій дипломатъ школы Кауница, баронъ Рейбницъ—представитель Пруссіи, и Міанжинскій, со стороны Польши или, лучше сказать, со стороны Россіи.

Изъ чиновъ, назначенныхъ союзными дворами для проведенія демаркаціонной линіи, наименѣе удачнымъ оказался выборъ Пруссіи: присланные ею Боссгампъ (Bosschamp, братъ бывшаго польскаго посланника въ Константинополь временъ Станислава Августа), графъ Метрихъ и два кондуктора распѣвали цѣлые дни *Wir sind Preussen* (мы пруссаки) или *Heil dir im Siegeskrantz* (прусскій національный гимнъ) и подавали намъ поводъ ко всевозможнымъ насмѣшкамъ и карриатурамъ.

Отдавъ мое рекомендательное письмо г-жѣ Менцинской, которая ввела меня въ краковское общество, и сдѣлавъ официальные визиты комиссарамъ трехъ державъ, президенту краковской республики и сенаторамъ, мы приступили къ работѣ.

Пограничная линія проходила по лѣсной и скалистой мѣстности, гдѣ намъ приходилось терпѣть всевозможныя лишенія. Мы могли отдохнуть только въ двухъ домахъ: въ имѣніи графа Іосифа Водзицкаго и у вдовы его брата Іакова Водзицкаго. Остальное время приходилось до-

вольствоваться хлѣбомъ и овощами, все прочее надобно было привозить изъ Кракова.

Краковское общество состояло въ то время изъ лицъ весьма образованныхъ, въ этомъ отношеніи все преимущество было на сторонѣ дамъ. Упомяну нѣсколько домовъ, которые я посѣщалъ и гдѣ проводилъ время съ такимъ удовольствіемъ, что я до сихъ поръ вспоминаю о нихъ съ признательностью.

Назову прежде всего семейство предсѣдательствующаго сенатора Станислава Водзицкаго, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ. Это былъ человѣкъ разносторонне образованный и много знающій въ ботаникѣ. Въ его имѣніи «Медвѣдь» былъ ботаническій садъ, за которымъ онъ ухаживалъ собственноручно. Его братъ былъ другомъ Костюшки и, командуя бригадою, былъ убитъ подъ Щекоцинами. Патриотическія чувства Водзицкаго ни для кого не были тайною, и всѣ сосѣди относились къ нему съ глубокимъ уваженіемъ. Своимъ человѣколюбіемъ, вѣжливостью, правдивостью и гостепріимствомъ онъ снискалъ всеобщую любовь.

Мое пребываніе съ товарищами въ его домѣ составляетъ одно изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній моей жизни. Семейство Станислава Водзицкаго было многочисленно. Его жена, женщина въ то время еще очень красивая, вела домъ безукоризненно; ее окружали двое сыновей и пять дочерей красавицъ. Изъ нихъ старшая, Екатерина, выпедшая впослѣдствіи замужъ за Конарскаго, обладала прекрасными качествами; доброта и привѣтливость, которыми дышало ее лицо, влекли къ ней съ перваго взгляда.

Вторая сестра, Анна, отличалась отъ старшей легкомысліемъ и кокетствомъ. Она была занята только свѣтомъ и забавами, была остроумна. Отсутствіе строгаго надзора со стороны матери, непонятное ослѣпленіе къ ней родителей, чтеніе безъ разбора всякихъ книгъ окончательно вскружили эту пустую головку. Мнѣ жаль было видѣть, что эта молодая дѣвушка находилась на краю пропасти. Я постарался сблизиться съ нею и успѣлъ снискать ея довѣріе, откровенно высказавъ ей свое мнѣніе. Мои слова произвели на нее сильное впечатлѣніе; вскорѣ всѣ замѣтили огромную перемѣну въ ея манерахъ, туалетѣ, въ обращеніи съ мужчинами. Родители, домашніе, подруги, сестры не знали, чему приписать эту перемѣну; это было дѣломъ молодаго 20 лѣтняго капитана, который не имѣлъ иной цѣли, какъ спасти молодую дѣвушку отъ сѣтей, разставленныхъ ей лстецами и мнимыми друзьями. Чего бы не могла сдѣлать любовь съ этой прекрасной душою! Но мое сердце принадлежало въ то время другой. Два года спустя Анна Водзицкая вышла замужъ за Дзялинскаго и была прекрасной матерью и женою.

Третья сестра, Юлія, впослѣдствіи пани Бѣльска, почему-то припи-

слила меня къ числу своихъ поклонниковъ, въ чемъ я постарался однако разубѣдить ее.

Четвертая, Елена, была такъ же хороша собою, какъ мать, но не обладала тѣми качествами, которыя привязываютъ сердца; она была холодна, горда и слѣшкомъ увѣрена въ томъ впечатлѣніи, какое она производила на всѣхъ. Въ 1818 г. сынъ одного богатаго шотландскаго лорда, проѣзжая чрезъ Краковъ, былъ пораженъ ея красотою, безъ памяти влюбился въ нее и просилъ ея руки. Но родители не согласились на этотъ бракъ. Она вышла въ послѣдствіи за мужа за Нѣмоевскаго.

Я часто посѣщалъ семейство графа Іосифа Водзипкаго; графъ, мужчина лѣтъ 40, много путешествовалъ, ѣздилъ во Францію въ своемъ собственномъ экипажѣ и даже поразилъ своею скупостью довольно расчетливыхъ французовъ. Впрочемъ, не смотря на свою скупость, онъ былъ гостепріименъ, и жители Кракова, въ особенности простые люди, любили его за его всегдашнюю готовность ходатайствовать за тѣхъ, кто обращался къ нему съ какою-либо просьбою. Его жена, рожденная Яблловская, щедро помогала всѣмъ неимущимъ г. Кракова.

Такимъ образомъ я провелъ зиму 1816—1817 г. очень пріятно.

Среди лѣта пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Краковъ, генераль Домбровский, которому мы представлялись. Генераль любезно поздоровался со мною, вспоминалъ кампанію 1812 года, пребываніе въ Парижѣ и разныя другія событія.

Въ томъ же году посѣтилъ Галицію императоръ Францъ I со своей супругой и многочисленной свитою. Офицеры поляки, работавшіе надъ проведеніемъ демаркаціонной линіи, представлялись ему въ Величкѣ и сопровождали его при осмотрѣ знаменитыхъ соляныхъ коней. Трудно себѣ представить что-либо великолѣпнѣе освѣщенія подземныхъ проходовъ и улицъ. Особенно поразили императора въ копияхъ подземныя конюшни, соленое озеро, надъ которымъ возвышается сооруженіе изъ соляныхъ кристалловъ вышиною въ 80 сажень, огромныя залы и т. д. Съ парома, находящагося на соляномъ озерѣ, былъ пущенъ прекрасный фейерверкъ, который не взлетѣлъ даже до свода пещеры. Императоръ, во время данной намъ аудіенціи, былъ чрезвычайно сосредоточенъ, разговаривалъ мало, постукивалъ пальцами и барабанилъ свой излюбленный маршъ. О краковской конституціи онъ освѣдомился на австрійскомъ діалектѣ: *Ist der Freistoot schon konschtituirt?* (Окончена ли организація вольнаго города?). Императрица, похожая болѣе на добродушную нѣмецкую хозяйку, нежели на монархиню, пустилась съ нами, молодыми офицерами, въ разговоръ и съ любопытствомъ разспрашивала насъ о краковскомъ обществѣ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1819 г., получивъ отпускъ, я ѣздилъ въ Варшаву, гдѣ былъ представленъ на вечерѣ въ домѣ сенатора Бронца (*Broniec*)

великому князю, склонность котораго къ моей кузинѣ, Жанеттѣ Грудзинской уже не для кого не была тайною. Но въ то время еще никто не предвидѣлъ, чѣмъ это могло кончиться.

12-го (24-го) мая 1820 г. Жанетта Грудзинская была обвинена съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, отказавшимся отъ престола и предпочевшимъ семейное счастье коронѣ могущественнаго государства.

Для многихъ современниковъ до сихъ поръ осталось загадкою, чѣмъ Жанетта Грудзинская привлекла къ себѣ сердце дотошъ недоступное нѣжнымъ чувствамъ; но она пользовалась въ теченіе десятилѣтняго счастливаго супружества всегдашней любовью, уваженіемъ и преданностью своего мужа. Правда, въ первые годы ей пришлось перенести испытанія, которыхъ она, быть можетъ, не ожидала, но, переживъ тяжелое время она пользовалась затѣмъ полнымъ семейнымъ счастьемъ. Только по смерти императора Александра, когда всѣ узнали объ отреченіи Константина Павловича въ пользу младшаго брата, стало ясно, какую жертву онъ долженъ былъ принести, чтобы получить отъ императора и отъ вдовствующей императрицы разрѣшеніе на бракъ. Нѣсколько недѣль спустя послѣ брака, который былъ совершенъ, съ соблюденіемъ всѣхъ положенныхъ обрядностей въ католической и православной церкви, супруга великаго князя получила титулъ княгини Ловичъ и обширныя помѣстья, связанныя съ этимъ титуломъ.

13-го (25-го) августа 1820 г. генералъ Гауке предложилъ мнѣ читать лекціи фортификаціи и топографіи въ открывавшейся аппликаціонной школѣ, на что я изъявилъ согласіе.

Въ Варшавѣ находился въ это время императоръ Александръ. Явившись прежде всего по начальству, я представился затѣмъ въ Брюлевскомъ дворцѣ великому князю, а императору Александру въ Королевскомъ замкѣ. Выйдя изъ замка, я зашелъ къ Бронцамъ, желая повидать ихъ и Антонину Грудзинскую. Я засталъ все семейство въ крайнемъ смущеніи. Скоро слуга доложилъ о пріѣздѣ княгини Ловичъ. Я рассчитывалъ увидѣть ее, упоенную счастьемъ. Но я жестоко ошибся. Она вошла блѣдная, съ померкшимъ взглядомъ, сильно измѣнившаяся. Она вошла, опираясь на руку Бронца,—узнала меня, остановилась и, глубоко вздохнувъ, сказала мнѣ:

— Клементій, я вспоминаю то, что ты говорилъ мнѣ годъ тому назадъ; я была бы теперь счастлива, если бы я обратила вниманіе на твои слова.

Едва успѣла она произнести эти слова, которыя я выслушалъ съ изумленіемъ, какъ появился великій князь и съ встревоженнымъ лицомъ увелъ ее въ зало. Я старался собрать свои мысли и объяснить себѣ значеніе этихъ словъ. Это былъ неожиданный для меня отвѣтъ

на жалобы, которыя я высказывалъ ей годъ передъ тѣмъ по поводу суроваго обращенія великаго князя съ польскими офицерами и солдатами. Я не подозрѣвалъ въ то время, какъ скоро измѣнится судьба Жанетты Грудзиевой; вѣроятно, ей было тогда очень непріятно выслушивать мои жалобы.

Въ первые дни послѣ брака, великаго князя часто видѣли съ супругою, съ которой онъ гулялъ или отдавалъ визиты. Они оба сіяли радостью и счастьемъ. Онъ былъ полонъ любви и предупредительности, и казалось, былъ готовъ устранить изъ подъ ногъ молодой жены каждую пылинку. Но вкорѣ наступила перемена. Княгиня Ловичъ замѣтно поблѣднѣла, сдѣлалась печальна; вѣроятно, нервность, которую я давно въ ней замѣчалъ, начала развиваться. Не смотря на все усиліе скрыть волновавшія ее чувства, окружающіе съ грустью видѣли, какъ она пзмѣнилась. Лицо великаго князя также омрачилось, и онъ попрежнему сталъ строгъ и требователенъ на парадахъ и ученіяхъ.

Вскорѣ всѣ узнали причину происшедшей перемены.

Императоръ Александръ, хорошо знавшій характеръ своего брата, давая ему разрѣшеніе вступить въ бракъ, потребовалъ, чтобы изъ Бельведера была удалена прежняя его привязанность г-жа Фредеричъ.

Нашелся человекъ, адъютантъ великаго князя, полковникъ Вейсъ, не постыдившійся просить ея руки. Они обвѣнчались за нѣсколько недѣль до женитьбы великаго князя. Г-жа Вейсъ выѣхала изъ Бельведера, но осталась въ Варшавѣ.

Нѣсколько дней спустя послѣ свадьбы, великій князь нашелъ вполне естественнымъ представить своей супругѣ жену своего адъютанта. Княгиня Ловичъ, стараясь скрыть, насколько это знакомство было ей непріятно, исполнила желаніе супруга и приняла г-жу Вейсъ, полагая, что тѣмъ дѣло кончится. Но великій князь пожелалъ отдать визитъ г-жѣ Вейсъ и, не смотря на всѣ возраженія, настоялъ на своемъ.

Г-жа Вейсъ, ободренная этой уступчивостью, стала чаще и чаще появляться въ Бельведерѣ. Положеніе княгини Ловичъ сдѣлалось невыносимо. Въ это время въ Варшаву пріѣхалъ императоръ Александръ. Пораженный убитымъ видомъ княгини Ловичъ и узнавъ все подробно, онъ приказалъ г-жѣ Вейсъ въ три дня выѣхать изъ Варшавы и остался глухъ ко всѣмъ возраженіямъ великаго князя, ссылавшагося на конституцію царства Польскаго. Впослѣдствіи великій князь созналъ свою вину и сдѣлался наилучшимъ супругомъ, какимъ мы его видѣли въ теченіе 10 лѣтъ съ 1820 по 1830 годъ.

Въ первыхъ числахъ сентября 1821 г., пріѣхалъ въ Варшаву и остановился въ Лазенкахъ великій князь Николай Павловичъ со своей молодой супругою. Начались представленія всѣхъ высшихъ должностныхъ лицъ и офицеровъ всѣхъ родовъ оружія. Я былъ представленъ

въ числѣ прочихъ великимъ княземъ; княгиня Ловичъ представляла дамъ. Великая княгиня Александра Ѳеодоровна была въ то время въ расцвѣтѣ молодости и красоты. Сходство ея съ матерью, королевою Лупзою, было поразительное.

Нѣсколько дней спустя, праздновался день рожденія вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны. Варшава была роскошно иллюминирована, а въ лагерѣ сожженъ по этому поводу блистательный фейерверкъ.

Въ тотъ вечеръ я находился въ лагерѣ, подъ Бураковымъ, передъ фронтомъ второй пѣхотной дивизіи, чтобы полюбоваться фейерверкомъ, какъ вдругъ я завидѣлъ издалика придворные экипажи. Въ первомъ изъ нихъ сидѣли великая княгиня Александра Ѳеодоровна съ княгиней Ловичъ, а впереди великій князь Константинъ Павловичъ; въ второмъ экипажѣ ѣхали великіе князья Николай и Михаилъ. Константинъ Павловичъ узналъ меня издали и подозвалъ къ себѣ. Когда я подошелъ къ экипажу, онъ вторично представилъ меня великой княгинѣ, какъ двоюроднаго брата своей супруги, и сказалъ, что даетъ мнѣ отпускъ на нѣсколько дней, чтобы я ѣхалъ на свадьбу Антонины Грудзинской, которая была назначена 16-го (28-го) сентября, въ герцогствѣ Познанскомъ.

Это былъ первый случай благосклонности ко мнѣ великаго князя.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1821 г. пріѣхалъ въ Варшаву изъ Познани генералъ Уминскій, подъ начальствомъ коего я служилъ въ 1813 г. Онъ былъ посланъ «Обществомъ косиньеровъ», возникшимъ въ герцогствѣ Познанскомъ, съ цѣлью войти въ сношеніе съ польскими масонами, во главѣ которыхъ стояли въ Варшавскомъ герцогствѣ майоры Лукасинскій и Махноцкій. Цѣль, которую преслѣдовали оба эти общества, заключалась въ томъ, чтобы вернуть Польшѣ всѣ отнятыя у нея земли, произведя общее возстаніе. Генералъ Уминскій, встрѣтившись со мною нѣсколько разъ, пригласилъ меня отобѣдать съ нимъ наединѣ, но, понявъ вѣроятно изъ разговора, что ему не удастся склонить меня къ поступленію въ какое бы то ни было общество, онъ не упомянулъ ни слова о возложенномъ на него порученіи. Нашъ разговоръ вертѣлся исключительно на воспоминаніяхъ о кампаніи 1813 г.

1-го мая 1821 г., въ Бѣлянской рошѣ, въ полмилѣ отъ Варшавы собрались генералъ Уминскій, референдарій Вержбиловичъ, подполковники: Доброгойскій, Казаковский, Прондзинскій, майоръ Лукасинскій, Адольфъ Цихоцкій, журналистъ Теодоръ Моравскій и Людвигъ Собанскій изъ Волини. Кромѣ этихъ господъ тутъ были: подполковникъ Оборскій, адвокатъ Шведеръ, Бруно Кицинскій и бывший гвардейскій офицеръ Гордонъ. Послѣ того какъ генералъ Уминскій сообщилъ всѣмъ собравшимся цѣль, съ которою онъ былъ посланъ, всѣ поклялись въ томъ, что они будутъ служить Польшѣ и общему дѣлу.

Не бывъ посвященъ въ ихъ тайные замыслы, я не могу сообщать никакихъ подробностей о тайныхъ обществахъ, покрывшихъ съ тѣхъ поръ сѣтью царство Польское, Литву, Волынскую и Подольскую губерніи, кромѣ того, что уже извѣстно изъ документовъ, обнародованныхъ по случаю процесса Лукасинскаго въ 1824 г. и по дѣлу декабристовъ.

Въ концѣ 1821 г. въ Варшаву былъ привезенъ отставной подполковникъ 10-го уланскаго полка Онуфрій Радонскій, другъ и пріятель генерала Уминскаго, который рѣшился побывать у братьевъ Нѣмцевскихъ въ Калишѣ, хотя не имѣлъ для проѣзда надлежащаго паспорта.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ русской полиціей за границей, оказалось, что Радонскій принадлежитъ къ обществу италіанскихъ угольщиковъ, и это обстоятельство послужило поводомъ къ его арестованію. Дѣйствительно, Радонскій былъ карбонаріемъ и былъ посланъ Уминскимъ въ царство Польское съ цѣлью приготовить возстаніе. Великій князь допросилъ его лично, обошелся съ нимъ хорошо, но, дабы не терять его изъ вида, приказалъ запереть его въ Брюлевскомъ дворцѣ, гдѣ, впрочемъ, онъ пользовался всевозможными удобствами. Онъ провелъ въ заключеніи около шести недѣль, а затѣмъ былъ высланъ за границу и переданъ въ руки прусскихъ жандармовъ.

Въ началѣ 1822 г. былъ арестованъ на границѣ капитанъ Курскій, возвращавшійся въ Парижъ, и это навело на слѣдъ тайныхъ обществъ, существовавшихъ въ царствѣ Польскомъ. Поводомъ къ арестованію Курскаго былъ доносъ, полученный изъ Парижа. При немъ было найдено письмо къ чиновнику Добрыцкому въ Калишѣ, которое онъ не успѣлъ передать по адресу.

Полковникъ Шнейдеръ, судившійся за двоеженство, желая избѣгнуть отрогаго наказанія, все открылъ и назвалъ нѣсколько фамилій.

По этому поводу были допрошены маіоръ Лукасинскій, подполковникъ Доброгойскій, Добржицкій, Махницкій, подполковникъ Прондзинскій, Шредеръ, Цихоцкій и Котуцкій. Теодоръ Моравскій, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ общества, успѣлъ бѣжать за границу. Уминскій былъ арестованъ прусскимъ правительствомъ позднѣе, въ началѣ 1826 г., одновременно съ Матвѣемъ Мельжинскимъ и моимъ зятемъ Іосифомъ Крыжановскимъ.

Изъ всѣхъ окомпрометтированныхъ лицъ меня особенно тревожила участь Прондзинскаго, съ которымъ я былъ друженъ съ дѣтства; хотя онъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ прочими лицами, но мнѣ удалось, впрочемъ съ большимъ трудомъ, добиться его освобожденія.

Я отлично видѣлъ, въ чемъ дѣло, и боялся, какъ бы послѣдствія тайнаго общества, возникшаго въ 1816 г., не коснулись меня. Хотя мы видѣлись съ Прондзинскимъ, и онъ по-прежнему относился ко мнѣ съ

довѣріемъ, но, не желая компрометтировать меня, онъ не сообщалъ мнѣ главныхъ вопросовъ, которые были предложены ему при допросѣ. Для того чтобы не возбуждать подозрѣнія, мы видѣлись съ нимъ съ соблюденіемъ всевозможныхъ предосторожностей. Я бывалъ въ это время очень мало въ обществѣ, погружившись всецѣло въ свои занятія.

Въ началѣ 1823 г. пріѣхалъ въ Варшаву императоръ Александръ. 21-го января онъ посѣтилъ, въ сопровожденіи великаго князя, нашу аппликаціонную школу. Императору было въ ту пору 46 лѣтъ. Тотъ, кто видѣлъ его первый разъ вблизи, не могъ не быть очарованъ его прелестнымъ, серьезнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтливымъ лицомъ и не могъ не поддаться очарованію, которое онъ производилъ на всѣхъ съ перваго взгляда. Но, присмотрѣвшись внимательнѣе къ выраженію его лица, можно было подмѣтить нѣчто неискреннее въ его глазахъ и что-то холодное въ его улыбкѣ. Ни одинъ монархъ не игралъ такъ искусно своей роли, не былъ болѣе любезенъ и обворожителенъ съ женщинами; поэтому онъ былъ постоянно окруженъ особами прекраснаго пола. Онъ такъ хорошо владѣлъ собою, что никто изъ окружающихъ не могъ похвастать тѣмъ, что можетъ проникнуть его мысли.

Внутреннее волненіе или неудовольствіе выражалось у него только подергиваніемъ бровей, но выраженіе его лица оставалось неизмѣнно привѣтливымъ. Онъ умѣлъ одержать проявленіе своей немилости, и она, подобно грому, поражала человѣка иногда совершенно для него неожиданно. Интересуясь только политикой и войскомъ, императоръ довѣрилъ внутреннее управленіе своей обширной монархіи Аракчееву.

И въ то время какъ на конгрессахъ вся Европа воскуряла огиамъ монарху и онъ вмѣстѣ со своими союзниками рѣшалъ судьбы народовъ и старался утвердить политику на христіанскихъ началахъ, Россія, страдавшая подъ желѣзной рукою Аракчеева, не извлекла ни малѣйшей выгоды изъ столькихъ жертвъ, принесенныхъ ею для освобожденія народовъ отъ ига Наполеона.

У насъ въ первое время императоръ привлекъ къ себѣ всѣхъ. Его дружескія отношенія къ князю Адаму Чарторыйскому, котораго онъ постоянно ублаживалъ обѣщаніемъ возстановить Польшу, расположеніе, которое онъ выказывалъ къ полякамъ, чѣмъ онъ какъ будто хотѣлъ вознаградить ихъ за потерю независимости; его ласковое обращеніе съ литовцами по возвращеніи въ Вильно въ 1812 году; пріемъ, оказанный остаткамъ нашихъ войскъ въ Парижѣ въ 1814 г., и надежды, подавныя намъ таинственными словами: вольность, свобода, конституція, соединеніе подъ однимъ скипетромъ всѣхъ разрозненныхъ частей Польши; наконецъ, высказанное императоромъ не разъ сожалѣніе по поводу оказанной намъ несправедливости,—все это влекло къ нему наши

сердца. Въ этомъ не малую роль играли женщины, всегда болѣе легко-вѣрныя и которымъ онъ такъ хорошо умѣлъ льстить.

Въ то время какъ Наполеонъ не предоставлялъ женщинамъ никакого участія въ управленіи государствомъ, императоръ Александръ, напротивъ того, умѣлъ втянуть ихъ въ свои интересы, спрашивалъ ихъ мнѣнія и даже совѣтовался съ ними о томъ, какъ сдѣлать людей счастливыми. Черезъ женщинъ онъ зналъ многое, чего не говорилъ ему даже родной братъ.

Въ Варшавѣ Александръ I держалъ себя какъ конституціонный монархъ съ самымъ либеральнымъ образомъ мыслей и высказывалъ сожалѣніе о томъ, что Россія еще не созрѣла для конституціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ надежду, что это будетъ возможно со временемъ.

— Настанетъ время,—говорилъ онъ,—когда весь свѣтъ узнаетъ о томъ, что я хочу сдѣлать для васъ и для Россіи, когда ваши надежды сбываются; но вы должны потерпѣть, а главное должны во всемъ положиться на меня.

Эти и тому подобныя слова, сказанныя имъ въ откровенной бесѣдѣ, во время утреннихъ визитовъ къ варшавскимъ дамамъ, брошенные какъ бы мимоходомъ и пересыпанные любезностями, ни къ чему не обязывали, но производили должное впечатлѣніе. Поляки ждали, тѣшились несбыточными надеждами, но сеймъ проходилъ за сеймомъ, а императоръ ничего не сдѣлалъ для успокоенія нашихъ умовъ, какъ только назначилъ великаго князя Константина Павловича командиромъ Литовскаго корпуса и далъ корпусу желтые лацкана; впрочемъ, школамъ и университету была дана нѣкоторая свобода, и кураторомъ университета былъ назначенъ князь Адамъ Чарторыйскій. Но ни въ администраціи страны, ни въ сборѣ податей, ни въ рекрутскомъ наборѣ не произошло никакихъ перемѣнъ; злоупотребленія чиновниковъ остались все тѣ же, даже не была облегчена участь крестьянъ въ присоединенныхъ губерніяхъ.

Всѣ тѣ, которые смотрѣли на дѣло трезво, ясно видѣли, что наша конституція, не обезпеченная никакимъ договоромъ, зависѣла единственно отъ воли монарха и что малѣйшее уклоненіе съ нашей стороны могло послужить предлогомъ къ ея ограниченію и даже къ упраздненію. Они видѣли, что императора окружали люди, не сочувствовавшіе этой конституціи, что Поццо-ди-Борго, Карамзинъ, Новосильцевъ и многіе другіе, старавшіеся сдѣлать ее мертвою буквою, только не могли помѣшать ея обнародованію; они отлично понимали, что съ перемѣною царствованія легко могла измѣниться и система. Эти люди совѣтовали намъ не поддаваться обманчивымъ надеждамъ, не считать конституцію нашимъ нестѣплемымъ достояніемъ и только заботаться о

томъ, чтобы поднять матеріальное положеніе страны, увеличить число школъ и предоставить времени упрочить нашу конституцію.

У насъ поняли истинныя намѣренія Александра только тогда, когда монархи начали совѣщаться о свободѣ народовъ и когда Александръ принялъ участіе въ усмирении грековъ.

Но возвратимся къ посѣщенію императоромъ школы.

Императоръ приказалъ представить себѣ профессоровъ и учениковъ; пройдя аудиторіи и войдя въ рисовальный классъ, онъ встрѣтился въ дверяхъ съ подполковникомъ Коріотомъ, который несъ въ рукѣ подобно портиту модель гиперболоида, который онъ показалъ царю. Императоръ, удивленный этимъ страннымъ явленіемъ, остановился. Тогда Коріотъ на ломанномъ французскомъ нарѣчьи сталъ объяснять ему особыя свойства этой кривой поверхности. Императоръ слушалъ внимательно. Великій князь, еще менѣе насъ ожидавшій подобную сцену, видя, что она занимаетъ царя, началъ мнѣ подмигивать и потихонько посмѣиваться надъ Коріотомъ. Но императоръ, даже не улыбнувшись, спокойно выслушалъ все до конца и сказалъ, обратясь къ великому князю: «въ наше время насъ этому не учили». Услыхавъ эти слова, Коріотъ былъ на девятомъ небѣ!

Когда лекція была окончена, я представилъ императору рисунки учениковъ, объясняя цѣль каждого изъ нихъ. Императоръ цѣлый часъ слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ мои объясненія; мнѣ пришлось говорить довольно громко, такъ какъ императоръ былъ глухъ на лѣвое ухо.

Наконецъ, осмотръ школы окончился, императоръ поблагодарилъ всѣхъ насъ и весьма любезно со всѣми простился.

На другой день въ дневномъ приказѣ была высказана высочайшая благодарность корпусному командиру, начальнику школы и мнѣ за найденный въ ней порядокъ. Коріотъ не могъ простить императору, что онъ не упомянулъ о гиперболоидѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Польша въ 1814 — 1831 гг.

(Изъ воспоминаній генерала Клементія Колачковского) ¹⁾.

III.

Смотръ и маневры, произведенные Александромъ I польскимъ и литовскимъ войскамъ подъ Брестомъ въ 1823 году.—Графъ Ржевусскій.—Эмиръ.—Вечера у великаго князя Константина Павловича въ Бельведерѣ.—Сенаторъ Илинскій.—Бельведерскій дворъ и его обычаи.—Генералы: Курута, Жандръ Дженшовъ, графъ Нессельроде и Дьяковъ.—Тайный совѣтникъ Моренгеймъ.—Князь Иванъ Голицынъ.—Адъютанты великаго князя.—День великаго князя Константина Павловича.—Родители княгини Ловичъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ (1823 г.) въ то время, когда я находился съ молодежью на практическихъ работахъ въ окрестностяхъ Келецъ, я получилъ письмо отъ генерала Гауке, который приглашалъ меня отъ имени великаго князя въ Брестъ-Литовскъ на большіе маневры соединенныхъ корпусовъ: польскаго и литовскаго. Тронутый памятью великаго князя, я поспѣшилъ сдать команду подполковнику Россману и, побывавъ въ концѣ сентября въ Варшавѣ, купилъ верховую лошадь и отправился вмѣстѣ съ флигель-адъютантомъ Соболевскимъ на почтовыхъ въ Брестъ, гдѣ находилась главная квартира. Польскій корпусъ расположился на лѣвомъ берегу Буга въ окрестностяхъ Терасполя; а литовскій,—на правомъ берегу рѣки, въ двухъ миляхъ отъ Бреста.

Польскимъ корпусомъ командовалъ Станиславъ Потоцкій, а литовскимъ генералъ Д'Оврэ. Резервъ обоихъ корпусовъ составляла русская

¹⁾ См. „Русскую Старину“ мартъ № 3, стр. 623.

и польская гвардія, стоявшая въ Варшавѣ подѣ начальствомъ генерала графа Красинскаго.

Подѣ Брестомъ было всего 67 баталіоновъ, 72 эскадрона, 228 орудій и 10 ракетныхъ станковъ, т. е. (считая въ каждомъ баталіонѣ по 800 человекъ, въ эскадронѣ 180 человекъ и при каждомъ орудіи 12 человекъ) тутъ сосредоточено было всего 53.000 пѣхоты, 12.960 кавалеріи и 2.836 артиллеріи, а всего было подѣ ружьемъ 68.796 чел.

Это было превосходно обученное и обмундированное войско; кавалерійскія и артиллерійскія лошади были прекрасно подобраны подѣ масть. У литовскаго войска были зеленые мундиры съ желтыми обшлагами и отворотами, польскіе мундиры были граватоваго цвѣта съ желтыми обшлагами и отворотами. На польскихъ шапкахъ блестялъ польскій орелъ, а на литовскихъ гербъ бывшаго Литовскаго княжества (всадникъ съ мечемъ на конѣ). Въ штабѣ великаго князя шутили, говоря, что императоръ измѣняетъ въ честь поляковъ цвѣтъ старыхъ русскихъ полковъ на польскіе цвѣта. Но измѣнены были не одни мундиры; всѣ солдаты литовскаго корпуса были дѣйствительно уроженцы присоединенныхъ провинцій и почти всѣ субалтернъ-офицеры были литовцы. Это послѣднее обстоятельство было чрезвычайно важно, ибо это подало поводъ говорить, что императоръ былъ твердо намѣренъ отдѣлить литовскія губерніи отъ Россіи, присоединять ихъ къ Польшѣ и дать имъ такія же привилегіи. Чѣмъ бы ни руководился императоръ, сосредоточивая столь значительныя силы, хотѣлъ ли онъ сдѣлать этимъ демонстрацію со стороны Турціи или же сдѣлать этимъ удовольствіе брату, который былъ не прочь похвастать передъ императоромъ организаціей и муштровкой своихъ солдатъ: какъ бы то ни было, извѣстіе о собраніи многочисленнаго войска привлекло не мало военныхъ изъ сосѣднихъ государствъ. Взглянуть на это зрѣлище съѣхались: принцъ прусскій Вильгельмъ со штабомъ, австрійскіе, англійскіе и ганноверскіе офицеры.

Пріѣхавъ въ Брестъ, я явился на другой же день великому князю, который представилъ меня императору. Его величество страдалъ въ то время рожею на ногѣ. Но, не смотря на болѣзнь государя, смотрѣ войску былъ произведенъ въ назначенный день на равнинѣ къ югу отъ Бреста и прошелъ блестящимъ образомъ. Пѣхота была разставлена колоннами въ двѣ линіи; третью линію занимала кавалерія, четвертую—артиллерія. Императоръ объѣхалъ всѣ линіи, привѣтствуемый громкими криками «ура», и казалось, былъ веселъ; затѣмъ войско прошло церемоніальнымъ маршемъ.

Въ то время когда проходила кавалерія, одинъ эскадронный командиръ литовскаго корпуса, заѣхавъ съ боку, чтобы привѣтствовать императора, дотронулся до его больной ноги. Но государь, не смотря

на причиненную этимъ боль, не выразилъ неудовольствія на своемъ лицѣ, просилъ великаго князя не взыскивать съ офицера и присутствовалъ на смотру до конца.

Въ свитѣ императора появился въ тотъ день извѣстный своей оригинальностью графъ Вацлавъ Ржевусскій, прозванный эмиромъ; онъ былъ одѣтъ по-восточному, ѣхалъ на прекрасной лошади чистой арабской крови. Императоръ ласково принялъ его и разрѣшилъ ему красоваться въ арабскихъ костюмахъ. Въ тотъ день на эмирѣ было что-то въ родѣ кафтана или куртки темнаго цвѣта съ розывыми разводами, безъ рукавовъ и турецкія шаровары; волосы его были коротко обстрижены. Выраженіе лица у Ржевусскаго было умное съ правильнымъ римскимъ профилемъ и красивыми глазами. Ему было въ то время лѣтъ 40, но никто не далъ бы ему болѣе 35. Вацлавъ Ржевусскій получилъ прекрасное воспитаніе и служилъ много лѣтъ гусаромъ въ австрійскомъ войскѣ и рано женился на княжнѣ Розаліи Любомірской. Вначалѣ они жили дружно; но двѣ столь различныя натуры не могли долго жить въ согласіи. Онъ былъ человѣкъ горячій, фантазеръ, страстно желалъ отличиться на какомъ-либо поприщѣ, она же была холодна, разсудительна, относилась съ насмѣшкой къ фантазіямъ своего мужа и смотрѣла на него какъ на человѣка невмѣняемаго. Не находя отрады въ семьѣ, онъ сталъ мало-по-малу отдаляться отъ жены и отправился путешествовать на востокъ и въ нѣсколько лѣтъ растратилъ почти все отцовское состояніе.

Ржевусскій провель нѣсколько лѣтъ на востокѣ, кочуя съ бедуинами, и такъ съ ними сроднился, что его легко можно было самого принять за бедуина. Онъ прекрасно говорилъ по-арабски и подписывался данымъ ему именемъ: Якъ-ель-Шахеръ, арабскій эмиръ.

Два дня спустя послѣ смотра происходили маневры, во время которыхъ войско было раздѣлено на два корпуса. Первымъ корпусомъ командовалъ великій князь, вторымъ генералъ д'Оврэ.

Хотя роль cadaго отряда была опредѣлена заранее и въ инструкціяхъ была предусмѣтрѣна малѣйшая случайность, но все же я сомнѣваюсь, чтобы эти маневры могли дать иностраннымъ офицерамъ выгодное понятіе о тактическихъ способностяхъ нашего войска. Начальники, привыкшіе маневрировать на ровномъ плацпарадѣ, не смотря на подробно выработанную программу, потеряли голову, очутившись среди лѣса, зарослей, болотъ и холмовъ.

Колонны разстроились, линія поколебалась, артиллерія стала подъ горою какъ было указано въ инструкціи, и стрѣляла снизу вверхъ. Кавалерія стала на трясинѣ, откуда она не могла выбраться. Стрѣлки, не обращая вниманія на особенныя свойства мѣстности, растянулись по прямой линіи, какъ на Саксонской площади. Однимъ словомъ всѣ, въ

особенности же посторонніе наблюдатели могли убѣдиться въ томъ, что великій князь Константинъ Павловичъ былъ весьма посредственный полководецъ и генералъ, а войско было игрушкою въ его рукахъ, предназначенною скорѣе для парадовъ, нежели для войны.

На слѣдующій день, простившись съ братомъ, государь уѣхалъ на югъ, а войска возвратились въ свои квартиры.

Я уѣхалъ въ Варшаву.

Въ 1824 г. въ свободное отъ службы время я часто бывалъ въ Бельведерѣ, въ особенности вечеромъ по четвергамъ или субботамъ; это вошло въ обыкновеніе, такъ что если я не появлялся въ эти дни, то великій князь справлялся обо мнѣ и на другой день нерѣдко посылалъ за мною. Общество, которое собиралось по вечерамъ въ Бельведерѣ, состояло изъ великаго князя, княгини Ловичъ, дежурнаго адъютанта, молодого Павла Александрова и его гувернера Явицкаго, чело-вѣка почтеннаго и весьма образованнаго; иной разъ присутствовалъ также графъ Моріюла, французскій эмигрантъ, исполнявшій обязанность старшаго гувернера. Вечеръ начинался обыкновенно въ шестомъ часу. Великій князь въ вицъ-мундирѣ, не застегнутомъ на одну пуговицу (это былъ признакъ, что онъ подомашнему, не на службѣ), спускался изъ верхнихъ покоевъ и, поздоровавшись со мною, начиналъ бесѣду; говорилъ по большей части самъ, занимая насъ различными анекдотами о петербургскомъ и иныхъ дворахъ. Иногда, занятый политикой, онъ высказывалъ свое мнѣніе о заграничныхъ дѣлахъ, громилъ журналистовъ, разбиралъ ихъ статьи, хвалилъ, либо порицалъ; говорилъ о вновь вышедшихъ военныхъ сочиненіяхъ, которыя иной разъ дарилъ мнѣ, или приказывалъ мнѣ или адъютанту прочесть вслухъ интересовавшія его мѣста. Ежели на другой день было назначено ученіе или смотръ, то, тревожась на счетъ погоды, онъ ежеминутно посылалъ камердинера посмотрѣть, какъ стоитъ барометръ, или что дѣлаютъ въ банкѣ зеленныя жабы: выходятъ онѣ на верхъ или опускаются на дно? Наконецъ, подавали превосходный чай, который княгиня Ловичъ разливала всѣмъ сама. Въ девятомъ часу Павликъ уходилъ съ гувернеромъ, а въ десятомъ поднимался съ мѣста великій князь и, пожелавъ всѣмъ покойной ночи, уходилъ. Впрочемъ, мы не всегда были одни; иногда въ шестомъ часу вечера къ княгинѣ Ловичъ пріѣзжалъ съ визитомъ кто-нибудь изъ варшавскаго общества: министръ Станиславъ Грабовскій, г-жа. Замојская, Соболевская, княгиня Тереза Яблоновская и многія другія. Нѣкоторые лица, къ коимъ великій князь особенно благоволилъ, оставались вечеромъ, другіе уѣзжали до его появленія. Я помню, какъ однажды наканунѣ новаго года г-жа Мокроновская гадала великому князю по свѣчкамъ, которыя плавали въ чашѣ, наполненной водою, что вызвало со стороны великаго князя не мало шутокъ и смѣха.

Г-жа Мокроновская, походившая на Сибиллу, слѣдила съ большимъ вниманіемъ за тѣмъ, какія фигуры описывали зажженные свѣчи, и пресерьезно дѣлала предсказанія.

Помню также сенатора Илинскаго, котораго великій князь считалъ своимъ человѣкомъ. Илинскій, богатый волынскій магнатъ, находился при дворѣ Екатерины II за нѣсколько лѣтъ до ея кончины. Пріятная наружность и симпатичныя черты характера обратили на него вниманіе великаго князя Павла Петровича, къ которому онъ съ теченіемъ времени привязался, и считалъ его своимъ лучшимъ другомъ. Его заступничеству и ходатайству былъ обязанъ своей свободою Костюшко; это было поставлено ему поляками въ особую заслугу; но онъ этимъ не удовольствовался; пользуясь расположеніемъ Павла, онъ спасъ многихъ несчастныхъ отъ гнѣва монарха.

Послѣ кончины Павла Илинскій удалился изъ Петербурга въ свое имѣніе Романово, гдѣ онъ велъ жизнь богатаго магната. У него былъ свой дворъ, театръ, оркестръ и балетъ изъ дворовыхъ, которые помимо сцены ходили всегда босикомъ. Впрочемъ, это былъ человѣкъ весьма гордый и тщеславный. Императоръ Александръ и великій князь Константинъ Павловичъ, помня расположеніе къ нему своего отца, перенесли на него уваженіе, которое оказывалъ ему Павелъ I. Онъ былъ пожалованъ сенаторомъ и кавалеромъ многихъ русскійхъ орденовъ. Когда я познакомился съ нимъ, онъ только-что вернулся изъ Рима и привезъ княгинѣ Ловичъ много разныхъ вещицекъ изъ Рима и благословеніе святаго отца. Разговоръ съ Илинскимъ вертѣлся исключительно около предметовъ религіи, и я подмѣтилъ, что великій князь слушалъ его съ большимъ вниманіемъ и почтеніемъ. Впослѣдствіи я видѣлъ сенатора Илинскаго въ монастырѣ капуциновъ, гдѣ онъ слушалъ обѣдню, преклонивъ колѣно на бархатной подушкѣ, обшитой золотымъ галуномъ, съ напудренной головою, изукрашенный русскими звѣздами. Нѣсколько шаговъ позади его стояла его супруга, также на колѣняхъ, но болѣе скромно, на кожаной подушкѣ. Еще далѣе стояли его дворовые и наконецъ челядь. Вотъ при какой тщеславной обстановкѣ Илинскій бесѣдовалъ съ Богомъ!

Я только однажды былъ на обѣдѣ въ Бельведерѣ да одинъ разъ былъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ во французскомъ театрѣ. Вообще, его императорское высочество избѣгалъ всего, что могло подать мысль, будто я пользуюсь его особой протекціей; въ этомъ отношеніи я былъ всегда ему признателенъ. Всякое повышеніе или награда были мною заслужены, а не были получены путемъ протекціи и близкаго родства съ княгиней Ловичъ. Впрочемъ, великій князь обходился со мною вѣжливо и никогда не позволялъ себѣ той фамиллярности, которая считалась иными признакомъ особаго благоволенія, но вслѣдъ за которой не-

рѣдко раздражалась буря. Подобныхъ бурь мнѣ также не пришлось испытывать, и я со своей стороны никогда не выходилъ изъ границъ почтительности и никогда не былъ предметомъ особаго благоволенія, вслѣдствіе чего я не потерялъ въ глазахъ своихъ собственныхъ и другихъ лицъ.

Чтобы дать понятіе о моихъ отношеніяхъ къ княгинѣ Ловичъ и къ великому князю, расскажу одинъ анекдотъ, относящійся къ 1824 г. Однажды вечеромъ, бесѣдуя съ великимъ княземъ, я обратилъ вниманіе на лежавшій на столѣ печатный пригласительный билетъ съ подписью ксендза князя Гогенлоэ, молодаго пѣтиста, молитвы котораго, по словамъ «девотокъ» (ханжей), творили чудеса.

На этомъ билетѣ было написано: «Ксендзъ Гогенлоэ такого-то и такого-то числа отслужить обѣдню за здравіе N. N.».

Въ то время я относился къ подобнымъ чудесамъ довольно скептически и имѣлъ неосторожность сказать: «этотъ билетъ походить на театральную офিশу». Услыхавъ эти слова, княгиня Ловичъ накинулась на меня:

— Я давно уже замѣчаю — сказала она, — что ты принадлежишь къ числу современныхъ философовъ, которые смѣются надъ всѣмъ, что есть святаго; твои религіозные взгляды должно быть очень неустойчивы, если ты осмѣливаешься говорить подобныя вещи.

Я защищался какъ умѣлъ и сказалъ самымъ почтительнымъ образомъ, что я не менѣе религіозенъ, нежели многіе добрые католики, но что я вижу въ этомъ приглашеніи злоупотребленіе благочестіемъ, которое можетъ подать поводъ къ насмѣшкамъ надъ религіей, и нахожу, что молодой ксендзъ страдаетъ гордостью, если онъ приписываетъ чудесную силу своей молитвѣ о здравіи людей, въ чемъ воленъ только одинъ Богъ. Но никакіе доводы съ моей стороны не помогали; княгиня нападала на меня все болѣе и болѣе яростно; наконецъ, боясь разсердить ее окончательно, я замолчалъ и спокойно выслушивалъ ея нападки. Мало-по-малу княгиня Ловичъ успокоилась и подала намъ чай. Я принявъ изъ ея рукъ стаканъ, какъ оливковую вѣтвь мира, и остальной вечеръ былъ спокоенъ, но грустенъ. Великій князь не мѣшался въ нашъ разговоръ, но съ улыбкой искоса посматривалъ на насъ; только при прощаніи онъ сказалъ: «Жансю, я не хочу, чтобы солнце зашло и вы остались въ ссорѣ, помиритесь скорѣе». Княгиня улыбнулась и подала мнѣ руку. Я поцѣловалъ ее и простился.

Дня черезъ два послѣ этого столкновенія, княгиня Ловичъ пригласила меня къ себѣ; я засталъ у нея г-жу Замойскую и двухъ другихъ дамъ; она тотчасъ отошла со мною въ сторону и сказала:

— Ты не повѣришь, Клементій, какъ ты огорчилъ меня своимъ замѣчаніемъ. Я давно уже старалась примирить мужа съ нашей религіей

и много надъ этимъ потрудилась. Великій князь уже былъ на истинномъ пути, а ты все испортилъ своими словами; сколько мнѣ придется снова употребить стараній, чтобы наставить его на путь спасенія?

Смягченный этой откровенностью, я сознался въ своей винѣ, обѣщалъ исправить ее и даже помогать ей въ столь похвальномъ намѣреніи, и мы простились съ княгиней вполне примиренные.

Опишу Бельведерскій дворъ и его обычаи. Начальникомъ штаба великаго князя былъ генераль-лейтенантъ Курута, по происхожденію грекъ; онъ воспитывался вмѣстѣ съ великимъ княземъ въ то время, когда императрица Екатерина составляла свои обширные планы,—мечтала о завоеваніи Константинополя, объ изгнаніи изъ Европы турокъ и утвержденіи короны Константина Великаго на челѣ ея любимаго внука, соименнаго византійскому императору. Курута былъ небольшого роста, нѣсколько тучный, смуглолицый съ выразительными глазами; ему было въ то время подъ 50 лѣтъ; его нетвердая походка изобличала человѣка, привыкшаго ходить по палубѣ судна; онъ служилъ въ молодости во флотѣ. Онъ получилъ довольно тщательное воспитаніе, былъ весьма свѣдущъ въ наукахъ необходимыхъ для капитана судна и кромѣ того былъ прекрасно знакомъ съ фронтовою службою всѣхъ родовъ оружія и въ особенности съ обязанностями унтеръ-офицера. Воспитанный вмѣстѣ съ великимъ княземъ и непремѣнный его товарищъ въ походахъ, онъ изучилъ какъ нельзя лучше всѣ его слабыя стороны; никто не умѣлъ лучше и терпѣливѣе его переносить вспышки гнѣва великаго князя. Бывъ много лѣтъ его довѣреннымъ лицомъ, онъ одинъ умѣлъ успокоить тѣхъ лицъ, кои были обижены великимъ княземъ и обращались къ нему со своими жалобами. Онъ былъ всегда спокоенъ, скрытенъ и выслушивалъ всѣ жалобы не показывая, что дѣлалось у него въ душѣ. Если онъ могъ замолвить за кого-нибудь слово, не подвергая себя непріятностямъ, то онъ дѣлалъ это охотно. Ему не разъ приходилось выслушивать рѣзкіе выговоры отъ великаго князя, но онъ никогда не жаловался, а смѣшилъ всѣхъ, говоря:—«Дорогой мой! когда великій князь сердитъ, то онъ говоритъ мнѣ иной разъ: Курута ты воля,—но я не обижаюсь, ибо всѣмъ извѣстно, что я не воля, а генераль Курута—начальникъ штаба его императорскаго высочества великаго князя цесаревича». Его преданность великому князю доходила до того, что по приказанію великаго князя онъ могъ сдѣлать всякую жестокость.

Курута дѣлалъ много добра и былъ извѣстенъ всѣмъ нищимъ г. Варшавы, коимъ онъ много помогалъ.

Онъ страстно любилъ играть въ карты и проигрывалъ большую часть своихъ весьма значительныхъ доходовъ русскимъ генераламъ и въ особенности генералу Альбрехту. Великій князь зналъ эту слабость и неоднократно бранилъ его за это. Курута занималъ въ лѣвомъ фли-

гелѣ Бельведерскаго дворца двѣ комнаты, отдѣланныя на подобіе судовой каюты. Узкая лѣстница вела во второй этажъ, гдѣ помѣщался его другъ и пріятель, также грекъ родомъ, бывшій капитанъ судна, который занимался морскимъ разбоемъ, но съумѣлъ спасти свою голову отъ турецкаго кинжала. Курута всѣмъ дѣлился съ этимъ грекомъ по-братски, дѣлалъ также много добра и другимъ выходцамъ изъ Греціи и всегда относился сочувственно къ ихъ народному дѣлу. Съ великимъ княземъ онъ говорилъ обыкновенно по-гречески.

Генераль Курута принималъ зимою и лѣтомъ въ 3 часа утра рапорты отъ полиціи и ординарцевъ изъ разныхъ полковъ варшавскаго гарнизона; въ 5 часовъ онъ являлся съ докладомъ уже къ великому князю. Вѣчно дѣятельный, хладнокровный, добрый, онъ былъ дѣйствительно правою рукою великаго князя и громоотводомъ во время гнѣвныхъ вспышекъ, которыми его начальникъ раздражался иногда съ раняго утра.

Вторымъ лицомъ послѣ него былъ генераль Жандръ, человекъ испорченный до мозга костей, къ которому великій князь, не смотря на всѣ недостатки, питалъ издавна особенную пріязнь. Генераль Жандръ не занималъ опредѣленнаго мѣста, но числился только въ свитѣ, состоялъ въ его распоряженіи.

Третій приближенный къ великому князю человекъ, генераль Дженшовъ (Jenszow) по происхожденію англичанинъ, предки котораго издавна находились въ русской службѣ, состоялъ адъютантомъ при великомъ князѣ во время походовъ 1812, 1813 и 1814 гг. У него была самая привлекательная наружность, красивое открытое лицо, а между тѣмъ онъ исполнялъ самыя щекотливыя обязанности. Въ его вѣдомствѣ состояла тайная полиція намѣстника, которой въ Варшавѣ было много разныхъ сортовъ: полиція Рожнецкаго, Люблинскаго, полковника Засса и наконецъ уличная полиція парикмахера Макрота. Но объ этомъ еще буду говорить далѣе. Я познакомился съ Дженшовымъ въ 1815 г. въ домѣ Бронцовъ. Кажется, великій князь ему первому открылъ свои чувства (къ Жанетѣ Грудзинской), и поэтому княгиня Ловичъ любила его.

Генераль графъ Нессельроде и генераль Дяковъ, адъютанты великаго князя, состоявшіе въ его свитѣ, употреблялись имъ для личныхъ услугъ. Они славились безупречною честностью, были прекрасно образованы, чужды всякой подлости и весьма пріятные собесѣдники въ обществѣ.

Первый изъ нихъ, родственникъ министра иностранныхъ дѣлъ, по своему положенію былъ менѣе зависимъ, нежели второй, считался человекомъ весьма просвѣщеннымъ, прекрасно образованнымъ и остроумнымъ, но чрезвычайно страннымъ; онъ былъ страстный игрокъ. Онъ женился на полькѣ, паннѣ Горской изъ Литвы, сестрѣ генеральши Ле-

духовской и воспитанницѣ дѣвицѣ Грудзинскихъ и моей сестры Альберты, но прожилъ съ нею недолго. И мужъ и жена были, каждый въ своемъ родѣ, такіе удивительные чудаки, что они никакъ не могли ужиться вмѣстѣ.

Генераль Дьяковъ человѣкъъ любезный, свѣтскій, бывалъ въ польскомъ обществѣ со своею женою, прелестной женщиной, русской. Оба были хорошіе музыканты. Нессельроде отлично игралъ на фортепіано, Дьяковъ очень мило пѣлъ французскіе романсы и русскія пѣсни.

Директоромъ собственной канцеляріи великаго князя былъ тайный совѣтникъ Моренгеймъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ въ Варшаву въ 1815 г. Это былъ человѣкъъ прекрасно образованный, изысканно вѣжливый, но до смѣшнаго напыщенный. О немъ рассказывали самыя удивительныя вещи, точно такъ же, какъ опричинахъ особаго благоволенія и довѣрія къ нему со стороны великаго князя. Моренгеймъ былъ принятъ въ самыхъ первыхъ варшавскихъ домахъ и женился вскорѣ на дочери министра Мостовскаго. Во время возстанія 1830 г. я видѣлъ Моренгейма вмѣстѣ съ его женою на улицахъ Варшавы, съ бѣлой кокардою на шляпѣ. Это было первое проявленіе помѣшательства, которое постигло его въ Вѣнѣ въ 1831 г., гдѣ онъ и скончался въ припадкѣ сумасшествія.

Князь Иванъ Голицынъ, котораго называли въ Бельведерѣ Jean de Paris, былъ типъ разорившагося русскаго барина, который любилъ широко пожить, промоталъ нѣсколько состояній и сдѣлался наконецъ камеръ-юнкеромъ, но въ сущности игралъ въ Бельведерскомъ дворцѣ роль шута. Его конькомъ были театральныя сплетни, которыя онъ передавалъ великому князю и тѣмъ забавлялъ его.

Адъютантами великаго князя были: Киль, Безобразовъ, Грессеръ старшій и Оливъ-де-Кюбьеренъ (Olive de Cubièren).

Полковникъ Киль, лифляндецъ, былъ веселый, пріятный сотоварищъ, котораго въ мужскихъ кружкахъ всѣ любили за его веселый нравъ и замѣчательную способность къ каррикатурамъ, въ которыхъ онъ былъ дѣйствительно большой мастеръ.

Капитанъ гвардіи Безобразовъ, прозванный за свою красоту Аполлономъ Бельведерскимъ, извѣстный танцоръ, имѣлъ большой успѣхъ среди варшавскихъ дамъ.

Капитанъ гвардіи Грессеръ ничѣмъ особеннымъ не отличался.

Оливъ-де-Кюбьеренъ (Olive de Cubièren), происходившій изъ знатной французской фамиліи, служилъ сперва въ отрядѣ гѣлохранителей Людовика XVIII и обратился на себя вниманіе великаго князя въ то время, когда послѣдній гостилъ въ домѣ его матери, которая, уступивъ настоятельнымъ его просьбамъ, довѣрила ему своего сына, и онъ относился къ нему съ чисто отеческой заботливостью и обращался

съ нимъ какъ съ другомъ. Оливъ, будучи весьма преданъ и признателенъ великому князю, держалъ себя благородно и независимо и никогда не принималъ участія въ бельведерскихъ оплетняхъ. Познакомившись въ Варшавѣ съ Щербининой, рожденной Сухаржевской, дочерью прославившагося въ дѣлѣ 3-го мая 1791 г. посла на четырехлѣтнемъ сеймѣ и приверженца Россіи, онъ влюбился въ ея дочь и съ согласія великаго князя женился на ней, получивъ въ приданое прекрасное имѣніе подъ Саратовомъ.

Адъютантовъ поляковъ было четверо: гвардіи полковникъ Тренбицкій (Trenbicki), его младшій братъ Тренбицкій, гвардіи полковникъ Турно и гвардіи капитанъ Михайлъ Мицельскій (Mycielski).

Полковникъ Станиславъ Тренбицкій, сынъ извѣстнаго агронома Тренбицкаго, принадлежалъ къ числу наиболѣе образованныхъ офицеровъ польской арміи; онъ былъ характера твердаго, энергичнаго, что и доказалъ въ ночь на 29-е ноября, когда онъ не колебался предпочелъ смерть измѣнѣ. Великій князь особенно цѣнилъ его строгую исполнительность по службѣ и поэтому приблизилъ его къ своей особѣ. Но кромѣ строгой исполнительности, которой онъ многихъ возстановилъ противъ себя, это былъ человекъ вполне самостоятельный въ своихъ поступкахъ и достойный во всѣхъ отношеніяхъ; онъ даже не скрывалъ своего негодованія въ тѣхъ случаяхъ, когда великій князь позволялъ себѣ слишкомъ грозныя вспышки гнѣва.

Его братъ, Казиміръ, не имѣлъ тѣхъ качествъ, коими отличался Станиславъ Тренбицкій, и принадлежалъ къ числу самыхъ заурядныхъ личностей, окружавшихъ великаго князя. Онъ одинъ сопровождалъ Константина Павловича въ Бѣлостокъ и Витебскъ, присутствовалъ при его кончинѣ и сопровождалъ княгиню Ловичъ въ Петербургъ, куда она поѣхала проводить тѣло своего супруга.

Полковникъ Карлъ Турно, окончившій курсъ въ инженерной академіи въ Вѣнѣ, изъ которой вышло такъ много достойныхъ офицеровъ, служилъ въ австрійскомъ войскѣ; когда окончилась кампанія 1809 г. онъ поступилъ на русскую службу, участвовалъ въ славной войнѣ 1812 и 1813 гг. Принявъ затѣмъ участіе въ новой организаціи войска, онъ снискалъ расположеніе великаго князя своими познаніями, остроуміемъ и веселымъ характеромъ, такъ что его высочество не могъ обходиться безъ него и всегда бралъ его съ собою въ поѣздки. Чѣмъ Тренбицкій былъ для пѣхоты, тѣмъ былъ Турно для кавалеріи; это былъ такой же требовательный, исполнительный служака, хотя не столь строгій формалистъ; при этомъ онъ любилъ поиграть въ карты, хорошо поѣсть и провести время въ веселой товарищеской компаніи. Турно былъ не столь твердаго характера, какъ Тренбицкій, и любилъ задѣть и обрѣзать собесѣдника; но никто не сомнѣвался въ его безупречномъ поведеніи, только

немногіе завистники приписывали расположеніе и довѣріе великаго князя къ Турно его угодливости и лести, но изъ людей, знавшихъ его ближе, никто не могъ поставить этого ему въ вину.

Особымъ расположеніемъ великаго князя пользовался также графъ Михаилъ Мицельскій, но Константинъ Павловичъ любилъ его не за исполнительность по службѣ, которую тотъ ненавидѣлъ, а какъ пріятнаго собесѣдника. Мицельскій былъ человѣкъ свѣтскій, остроумный до геніальности. Кто не помнитъ его тощей, длинной, блѣдной фигуры съ очками на носу, съ насмѣшливой улыбкой на устахъ и тѣхъ язвительныхъ замѣчаній, шутокъ и французскихъ каламбуровъ, которые, какъ градъ, сыпались изъ его устъ на несчастныхъ жертвъ, попадавшихъ ему подъ-руку.

Впрочемъ, Мицельскаго отнюдь нельзя было назвать человѣкомъ пустымъ, онъ былъ смѣлъ и отваженъ на полѣ битвы, а въ гостиной это былъ веселый и забавный собесѣдникъ, не дававшій спуску никому, даже великому князю, который хотя и шутилъ съ нимъ, но побаивался его. Для своихъ пріятелей Мицельскій былъ самый надежный другъ, на котораго можно было вполне положиться и который всегда былъ готовъ оказать услугу. Мы были съ нимъ издавна, съ самаго пребыванія въ Парижѣ, въ весьма дружескихъ отношеніяхъ. Варшавскія дамы, даже сама Вонсовичъ, рожденная Тышкевичъ, боялись его какъ огня и старательно избѣгали его въ гостиной, не рѣшаясь сказать въ его присутствіи лишняго слова или противорѣчить ему изъ боязни, чтобы онъ имъ не отомстилъ какимъ-нибудь язвительнымъ замѣчаніемъ, которымъ онъ заклеивалъ бы ихъ на всегда. Очень жаль, что этотъ выдающійся человѣкъ былъ такъ страстно преданъ игрѣ и смотрѣлъ на нее не какъ на забаву, а какъ на средство жить широко. Быть можетъ, игра была для него тѣмъ, чѣмъ служить опіумъ на востокѣ—средствомъ притупить страшныя болѣ, которыми онъ страдалъ.

Упомяну также о достойномъ Колзаковѣ, типѣ добродушнаго моряка, и о генералѣ Кривцовѣ, которые много лѣтъ состояли при великомъ князѣ; для полноты картины надобно сказать также нѣсколько словъ о старикѣ Пастерниковѣ, камердинерѣ княгини Ловичъ, росломъ молодцѣ, котораго великій князь поставилъ во главѣ слугъ своей жены, и о Кохановскомъ, камердинерѣ великаго князя, хладнокровію котораго онъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ во время нападенія на Бельведеръ. Назову еще пана Митчеля (Mitchel), человѣка образованнаго, и подконюшаго Гаврилу, имѣвшаго не малое значеніе по слѣдующей причинѣ. Передъ каждымъ ученіемъ и смотромъ, начальники отдѣльныхъ частей подходили съ тревогою къ Кохановскому и Гаврилѣ и спрашивали у перваго, какъ провелъ великій князь ночь, въ какомъ настроеніи онъ всталъ, а втораго—какую лошадь онъ приказалъ по-

дать, спокойная ли она и, главное, не боится ли мухъ. За благопріятный отвѣтъ они получали рублевки, и тогда всѣ приступали къ великому дѣлу—смотру или ученью съ всеюими лицами.

Но когда отвѣтъ былъ неблагопріятный, то лица генераловъ вытягивались, и всѣ предсказывали печальный конецъ смотра.

Препровожденіе дня въ Бельведерѣ, во всякое время года, неизмѣнно было слѣдующее:

Великій князь вставалъ въ пятомъ часу утра и еще не одѣтый принималъ первый рапортъ отъ генерала Куруты и начальниковъ полиціи; затѣмъ ему убиралъ голову парикмахеръ Макротовъ, который въ это время нашептывалъ ему все, что ему успѣли донести наканунѣ его тайные агенты. Потомъ великій князь пилъ чай и одѣвался; это называли *le petit lever*. Тогда входили адъютанты и дежурные генералы и первые ординарцы; онъ подписывалъ подносимые ему Моренгеймомъ важнѣйшія бумаги и заходилъ на минутку къ княгинѣ Ловичъ. Потомъ онъ отправлялся въ Брюлевскій дворецъ, гдѣ рѣшалъ передъ смотромъ важнѣйшія дѣла и принималъ должностныхъ лицъ и офицеровъ; тутъ же являлись ему адъютанты. Въ это время представлялись намѣстнику офицеры разнаго рода оружія, пріѣзжавшіе или уѣзжавшіе изъ Варшавы. Наконецъ, въ одиннадцатомъ часу происходилъ смотръ въ указанномъ порядкѣ со всѣми актами и антрактами, обычными для этого зрѣлища. Послѣ смотра великій князь либо возвращался въ Брюлевскій дворецъ для окончанія служебныхъ дѣлъ, либо объѣзжалъ казармы, гауптвахты, военно-учебныя заведенія или другія учрежденія. Въ казармахъ онъ обходилъ спальни, солдатскія кухни и, приказавъ подать себѣ солдатскія щи, пробовалъ ихъ, хвалилъ или порицалъ. Въ госпиталяхъ разспрашивалъ больныхъ, чѣмъ они страдаютъ, рѣшалъ, подобно Суворову, какая у нихъ болѣзнь, и предписывалъ докторамъ рецепты. Во второмъ часу великій князь обѣдалъ съ княгиней Ловичъ, Павликомъ и гувернеромъ; къ столу приглашались дежурный адъютантъ и очень часто артиллерійскій генералъ Бонтанъ, котораго Константинъ Павловичъ очень любилъ. Обѣдъ былъ всегда изысканный, но состоялъ изъ немногихъ перекусокъ; великій князь не пилъ никакого вина кромѣ шампанскаго и то не болѣе двухъ рюмокъ. Послѣ обѣда онъ приглашалъ къ женѣ выпить чашку кофе и бесѣдовалъ еще съ присутствующими съ полъ-часа. Затѣмъ, простясь со всѣми, онъ уходилъ на верхъ, гдѣ, поигравъ немного со своими любимыми бульдогами и обезьянами, ложился спать, приказавъ камердинеру разбудить его въ пзвѣстный часъ, обыкновенно часу въ шестомъ. Но потомъ выторговывалъ у камердинера еще часокъ и, наконецъ, еще четверть часика.

Если погода была хороша, то онъ снова одѣвался и ѣхалъ въ лагерь на вечернюю зарю или объѣзжалъ снова гауптвахты. Бѣда была молодымъ

офицерамъ, которые чаще всего попадались по своему легкомыслию. Болѣе пожилые и опытные никогда не раздѣвались, а сидѣли въ каскѣ, съ офицерскимъ знакомъ на груди, по уши застегнутые, въ кожаномъ креслѣ, готовые по первому звонку принять его. Если погода была худая, то онъ сходилъ къ княгинѣ Ловичъ пить чай.

Стѣны его верхнихъ комнатъ были увѣшаны разнаго рода оружіемъ и изображеніями офицеровъ и солдатъ польскаго и литовскаго войска. Были тутъ и портреты, въ числѣ ихъ находился и мой портретъ.

Высшіе военные и гражданскіе русскіе сановники, генералы, иностранные дипломаты, проѣзжавшіе черезъ Варшаву, и офицеры высшихъ чиновъ принимались великимъ княземъ въ Бельведерѣ и послѣ представленія княгинѣ Ловичъ обыкновенно приглашались къ обѣду. Княгиня принимала гостей со свойственной ей любезностью и пріятностью, плѣняла иностранцевъ, которые пріѣзжали предубѣжденные, и умѣла выставить великаго князя въ болѣе привлекательномъ свѣтѣ. Иностранцы, бывавшіе въ Бельведерѣ, увѣжали очарованные ея любезностью, остроуміемъ, умѣніемъ заинтересовать собесѣдника пріятнымъ разговоромъ. Въ Европѣ стали говорить объ удачномъ выборѣ великаго князя и о необыкновенной перемѣнѣ, происшедшей въ его характерѣ.

Панъ Грудзинскій, отецъ княгини Ловичъ, пріѣхалъ, по приглашенію великаго князя, въ Варшаву впервые въ 1822 году. Великій князь съ княгинею Ловичъ выѣхали ему на встрѣчу въ Олтаржевѣ.

Константинъ Павловичъ почтительно пріѣтствовалъ его, оказалъ ему всевозможные знаки вниманія и уваженія, посадилъ его въ экипажъ рядомъ съ женою, а самъ сѣлъ на переднюю скамейку и такъ ѣхалъ до Бельведерскаго дворца. Грудзинскій остановился въ Виленскомъ отелѣ, но проводилъ все время у дочери; только во вторичный свой пріѣздъ онъ остановился по желанію великаго князя въ Бельведерѣ.

Положеніе Грудзинскаго по отношенію къ великому князю было весьма щекотливо вслѣдствіе того, что его дѣла были очень разстроены, и ему постоянно угрожало преслѣдованіе со стороны кредиторовъ и даже арестъ за неуплату по отцовскимъ векселямъ. Великому князю было это извѣстно, но онъ, изъ деликатности, не показывалъ этого; съ другой стороны и Грудзинскій отнюдь не держалъ себя въ Бельведерѣ, какъ проситель или челоувѣкъ, ищущій покровителя, но держалъ себя съ большимъ достоинствомъ, какъ отецъ его жены. Великій князь до самаго его отъѣзда изъ Варшавы относился къ нему самымъ почтительнымъ и деликатнымъ образомъ.

Въ молодости Грудзинскій былъ очень живаго, веселаго характера и имѣлъ прекрасные жгвые глаза, въ которыхъ отражался его природный умъ; онъ получилъ подъ надзоромъ отца тщательное образо-

ваніе въ Берлинѣ и въ дворянской академіи въ Штутгартѣ. Какъ человѣкъ веселый и большой шутникъ, онъ могъ бы очень понравиться, но онъ былъ весьма разсѣянъ и на его лицѣ постоянно отражалось какое-то безпокойство, выдававшее его затаенныя чувства; при этомъ онъ всегда говорилъ какъ-то особенно таинственно. По отношенію къ великому князю онъ держалъ себя чрезвычайно осторожно, никогда не противорѣчилъ ему, но когда великій князь спрашивалъ его мнѣніе, то онъ отвѣчалъ обыкновенно иносказательно, облекая свой отвѣтъ въ форму басни, какъ будто онъ говорилъ съ восточнымъ властителемъ временъ Гарунъ-Аль-Рашида. Великому князю не нравилась эта скрытность, и онъ часто жаловался женѣ на притворство ея отца.

Мать княгини Ловичъ, пани Бронецъ, первая супруга Грудзинскаго, рожденная Дерповска, по своимъ нравственнымъ качествамъ стояла гораздо ниже Грудзинскаго. Получивъ домашнее воспитаніе, она рано лишилась матери, и было замѣтно, что она не видала въ дѣтствѣ хорошихъ примѣровъ. Молоденькая, хорошенькая, легкомысленная панна вышла шестнадцати лѣтъ замужъ за своего дядю (по матери). Они прожили десять лѣтъ, повидимому, въ полномъ согласіи, но затѣмъ неожиданно разошлись. Въ это время на ихъ горизонтѣ появился красивый, молодой, разоренный литовецъ, Бронецъ, мастеръ побѣждать сердца молодыхъ женщинъ; онъ вскорѣ завладѣлъ ею всецѣло, убѣдилъ ее развестись съ мужемъ и выйти замужъ за него. Они зажили въ Варшавѣ на широкую ногу и вскорѣ спустили большую часть ея имѣнія. Вступленіе въ Варшаву французовъ въ 1806 г. было для Бронца причиною новыхъ расходовъ; назначенный гофмаршаломъ, онъ долженъ былъ принимать въ королевскомъ замкѣ свиту Наполеона. Эта должность дала Бронцу полную возможность выказать свои способности къ представительству, свое умѣніе устраивать съ большимъ вкусомъ всевозможныя увеселенія. Даваемые балы, обѣды, вечера, концерты привлекали лицъ императорской свиты и лучшее варшавское общество. Госпожа Бронецъ была еще хороша собою, а ея дочери отъ перваго брака были красавицы, хорошо воспитанныя и образованныя; это было не малой приманкой для гостей. Рядъ увеселеній продолжался все время пребыванія французовъ въ Варшавѣ. Когда возникло Варшавское герцогство, Бронецъ остался гофмаршаломъ короля саксонскаго, монарха набожнаго и бережливаго, которому расточительность его маршала очень не нравилась. По вступленіи въ Варшаву русскихъ, Бронецъ сохранилъ свое мѣсто и въ 1815 г. былъ назначенъ маршаломъ императорско-королевскаго двора. Перемѣна правительства не сократила его расходовъ и долговъ; имѣніе г-жи Бронецъ было оцѣнено за долги ниже его стоимости, кредитъ самого Бронца въ Варшавѣ совершенно упалъ. Однако, въ ихъ домѣ не было замѣтно никакой пере-

мѣны; у нихъ была все та же роскошь, давались тѣ же вечера, обѣды, ужины. Кто ихъ не помнитъ?! На столѣ польскаго Лукулла появлялось все, что было наилучшаго въ Варшавѣ, Парижѣ и въ Вѣнѣ; страсбургскіе паштеты, трюфели, морскія рыбы, стерляди, остендскія устрицы, верденскія конфекты, вѣнскіе торты и т. д. и т. д., выписывались самыя дорогія вина; но всѣ эти изысканныя вещи покупались большею частью въ долгъ, а купцы ожидали въ пріемной уплаты по счетамъ и часто уходили ни съ чѣмъ въ то время, какъ веселая компанія съ аппетитомъ ужинала подъ звонъ пѣнящихся бокаловъ.

Бронецъ былъ не только въ полномъ смыслѣ расточитель, но онъ былъ въ то же время большимъ знатокомъ кулинарнаго искусства, обжорой или, лучше сказать, гастрономомъ. Во времена упадка Римской имперіи онъ былъ бы навѣрно консуломъ, исполнявшимъ обязанности гофмаршала императора Геліогабала. Такой домъ, по выходѣ замужъ моихъ кузинъ Грудзинскихъ, уже не представлялъ для меня ничего привлекательнаго. Но, въ виду моихъ давнишнихъ отношеній къ ихъ семьѣ, я продолжалъ бывать у нихъ на малыхъ обѣдахъ и вечерахъ.

Великій князь относился къ г-жѣ Бронецъ съ должнымъ почтеніемъ, какъ къ матери своей жены, но въ душѣ не уважалъ ее. Хотя она его очень боялась, но нерѣдко все же обращалась къ нему съ разными просьбами. Впрочемъ, она искала не одного его покровительства, но осаждала также варшавскіе суды и присутственныя мѣста и мучила прусскаго консуса нескончаемыми дѣлами по объѣму и покупкѣ имѣнія Попово; у императора она то просила увеличить жалованье мужу, то просила пожаловать ему казенныя земли. Все это чрезвычайно огорчало княгиню Ловичъ и великаго князя.

Обычными посѣтителями Бронца были: его домашній докторъ Кинцель, замковый архитекторъ Кубицкій и церемоніймейстеръ двора кавалеръ Забоклицкій, да еще нѣсколько человѣкъ, которые славились, какъ тонкіе гастрономы, любители поиграть въ карты и провести время въ веселой компаніи.

IV.

Сеймъ 1825 года.—Императоръ Александръ I въ Варшавѣ.—Его мистицизмъ и желаніе отречься отъ престола.—Варшава при полученіи извѣстія о кончинѣ Александра I и вступленіи на престолъ императора Николая I.—Открытіе тайныхъ обществъ.—Аресты.—Образованіе слѣдственной коммисіи.—Допросы.—Герцогъ Веллингтонъ и принцъ Фердинандъ д'Эсте въ Варшавѣ.—Варшава въ день похоронъ Александра I и коронаціи императора Николая I.—

Судъ и приговоръ надъ участниками тайныхъ обществъ.

Въ маѣ 1825 г. послѣ долгаго перерыва въ Варшавѣ былъ созванъ сеймъ. Императоръ пріѣхалъ на его открытіе и посвятилъ дѣламъ цар-

ства Польскаго цѣлый мѣсяцъ. Дополнительные статьи конституціи, принятыя по предложенію князя Любецкаго, привели въ негодованіе всѣхъ тѣхъ, кои придавали серьезное значеніе парламентарному управленію страны, не обращая вниманія на препятствія, которыя должны были возникнуть съ самаго начала въ ея сношеніяхъ съ Россійской имперіей. Этой статьею была отмѣнена гласность преній на сеймѣ, и постороннимъ зрителямъ разрѣшалось присутствовать только на его открытіи и на закрытіи. Я также былъ возмущенъ этимъ повелѣніемъ, считая его нарушеніемъ важнѣйшихъ правъ, даруемыхъ конституціей; нынѣ, ближе узнавъ истинное положеніе дѣлъ и характеръ нашего народа, я нахожу, что оно было спасеніемъ, что оно даже было необходимо, если императоръ хотѣлъ избѣгнуть оппозиціи, которая, не смотря на зависимость царства Польскаго отъ Россіи и на то, что они были подчинены одному и тому же неограниченному монарху, хотѣла во что бы то ни стало играть роль, какую играетъ оппозиція въ англійскомъ парламентѣ. То, что у насъ было простой парламентской оппозиціей, называлось въ Россіи *rokosz'емъ* (мятежомъ). Поэтому не удивительно, что императоръ, принимая во вниманіе Россію и Европу, хотѣлъ во что бы то ни стало избѣжать слишкомъ явной оппозиціи во время публичныхъ преній и опасался, чтобы она не вызвала со стороны русскихъ желанія дѣйствовать точно также у себя дома. Всему этому была виною та двойственная роль, которую императору приходилось играть; легко можно было предвидѣть, что мы будемъ принесены со временемъ въ жертву.

На этомъ же сеймѣ были единодушно приняты нѣкоторыя правительственныя мѣры, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимало учрежденіе кредитнаго общества. Императоръ, довольный благополучнымъ исходомъ дѣлъ, отечески благодарилъ сеймъ и осыпалъ нѣкоторыхъ лицъ милостями. Обѣды, данные императоромъ въ замкѣ, большой балъ, данный его величеству въ театральномъ залѣ членами сейма, смотры, парады, визиты, пріемъ разныхъ лицъ наполнили все свободное отъ засѣданій время.

Въ это же время въ Варшаву пріѣхала г-жа Косцельская съ дочерью Михалпной, чтобы подать императору просьбу своего отца, отставнаго генерала Рокетницкаго, который былъ арестованъ во время возстанія 1794 г. и высланъ въ Кіевъ, гдѣ онъ прожилъ два года въ заточеніи. Теперь же онъ обращался къ милосердію царя, просилъ о назначеніи ему пожизненной пенсіи, въ которой онъ очень нуждался, потерявъ вслѣдствіе политическихъ событій и отчасти по своей собственной расточительности почти все свое имущество.

Съ прошеніемъ, написаннымъ рукою панны Михалины и завернутымъ въ кружевной платокъ, г-жа Косцельская отправилась въ за-

мокъ; но она опоздала на четверть часа къ назначенной аудіенціи. Когда о ней доложили, то она уже въ дверяхъ царскаго кабинета замѣтила, что прошеніе было ею забыто въ экипажѣ; обернувшись въ вводившему ее камергеру, она сообщила ему объ этомъ непріятномъ случаѣ, и онъ поспѣшилъ за прошеніемъ. Императоръ принялъ ее съ улыбкой на устахъ и пригласилъ сѣсть на диванъ, самъ сѣлъ противъ нея въ кресло и, чтобы дать ей возможность оправиться отъ замѣшательства, причиненнаго ея забывчивостью, онъ началъ, со свойственной ему любезностью и деликатностью, разспрашивать объ ея семействѣ, о варшавскихъ вечерахъ и т. п., и только когда прошла первая неловкость, онъ привѣтливо спросилъ ее о цѣли ея посѣщенія и внимательно выслушалъ всѣ подробности дѣла. Обѣщавъ исполнить все, чего просила г-жа Косцельская, императоръ взялъ у нея изъ рукъ прошеніе. По какой-то несчастной случайности, перчатки у г-жи Косцельской были пришиты къ платью; она позабыла объ этомъ и когда императоръ по своему обыкновенію хотѣлъ, прощаясь, поцѣловать у нея руку, то она изъ всѣхъ силъ стала тащить перчатку, чтобы снять ее, но это ей не удавалось; императоръ со своей стороны старался помочь ей. Во время этой борьбы у перчатки оторвался палецъ, который императоръ въ знакъ побѣды обернулъ около своего пальца и оставилъ у себя. Любезно простясь съ г-жею Косцельской, его величество проводилъ ее до дверей.

По отъѣздѣ императора изъ Варшавы прекратились увеселенія, и всѣ принялись за обычные занятія.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1825 г. на обратномъ пути изъ Германіи императоръ послѣдній разъ посѣтилъ Варшаву. Пробывъ короткое время, онъ уѣхалъ въ Петербургъ, откуда вскорѣ отправился въ Таганрогъ. На его всегда спокойномъ лицѣ не было видно слѣда той душевной тревоги, которую онъ переживалъ въ то время, но все же было замѣтно, что онъ очень озабоченъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи и судьбою угнетеннаго греческаго народа. Что касается перваго, то можно предполагать, что онъ зналъ о тайныхъ обществахъ, образовавшихся въ то время въ Россіи, ибо однажды на смотрѣ онъ сказалъ генералу Гауке: «я знаю, что я окруженъ убійцами, и что на мою жизнь злоумышляютъ».

Зловредный мистицизмъ, вселенный въ душу этого слабохарактернаго монарха г-жею Криднеръ, еще болѣе усилился подъ влияніемъ его бесѣдъ съ княгинею Ловичъ.

Недовѣріе къ людямъ, отвращеніе къ власти, сознаніе своего безсилія поднять упавшую нравственность народа, предчувствіе подготовлявшихся въ Россіи смутъ вызвало въ немъ желаніе отказаться отъ престола; онъ мечталъ удалиться на покой, уѣхать въ Римъ, гдѣ, предавшись всецѣло религіи, надѣялся обрѣсти утраченное спокойствіе духа и убѣждалъ великаго князя Константина Павловича и княгиню Ловичъ

отказаться отъ суеты міра и отправиться вмѣстѣ съ нимъ. Онъ рисовалъ имъ въ самыхъ яркихъ краскахъ счастье, которое ихъ тамъ ожидаетъ. Княгиня Ловичъ, давно уже мечтавшая о томъ же, видѣла въ этомъ намѣреніи перстъ Божій, волю Провидѣнія, которое могло привести императора въ лоно католической церкви. Великій князь изъ любви къ брату исполнилъ бы пожалуй его желаніе, но отказаться отъ парадовъ, смотровъ, отъ всѣхъ своихъ любимыхъ забавъ было выше его силъ!

7-го декабря того же года прискакалъ въ Варшаву посланный генераломъ Дибичемъ фельдъегерь съ извѣстіемъ о кончинѣ императора Александра I. Войдя въ спальню великаго князя въ Бельведерѣ, онъ бросился ему въ ноги, называя его своимъ государемъ. Великій князь, только-что возвратившійся передъ тѣмъ съ супругою изъ Дрездена, былъ далекъ отъ мысли о подобномъ несчастіи. Первое впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ, было потрясающее. Великій князь, какъ громомъ пораженный, упалъ въ объятія адъютанта. Онъ ни минуты не колебался въ своемъ намѣреніи отречься отъ престола и сказалъ, какъ мнѣ передавали, подошедшей къ нему съ встревоженнымъ лицомъ княгинѣ Ловичъ: «успокойся, ты не будешь царствовать».

Обстоятельства, сопровождавшія вступленіе на престолъ императора Николая, настолько извѣстны, что на нихъ нѣтъ надобности останавливаться, тѣмъ болѣе, что авторъ настоящихъ записокъ не прибавляетъ къ извѣстнымъ уже фактамъ никакихъ новыхъ подробностей; для насъ болѣе интересно, что авторъ, какъ очевидецъ и человекъ, стоявшій близко къ Бельведерскому дворцу, говоритъ о состояніи умовъ въ польской столицѣ.

«8-го декабря вся Варшава знала уже о случившейся катастрофѣ (кончинѣ Александра I). Всѣ задавали себѣ вопросъ: кто будетъ царствовать? Константинъ или Николай? Но спокойствіе въ городѣ на взглядъ ни на минуту не было нарушено. Это извѣстіе застало нашихъ заговорщиковъ, пораженныхъ участію Лукасинскаго и его товарищей, совершенно врасплохъ. Они не могли сговориться на счетъ тѣхъ мѣръ, какія слѣдовало принять, и рѣшили выждать болѣе удобнаго времени. Варшава официально предалась скорби. Великій князь Константинъ Павловичъ заперся въ Бельведерѣ, никого не принимая кромѣ самыхъ близкихъ и довѣренныхъ лицъ. Всѣ увеселенія прекратились, театры были закрыты, военные и гражданскіе чины облеклись въ трауръ. Общество также надѣло трауръ. Въ публикѣ еще ничего не знали о начавшейся великодушной борьбѣ между царственными братьями. Константинъ Павловичъ не былъ провозглашенъ императоромъ въ одной только Варшавѣ: догадокъ и предположеній высказывалось бездна, сказокъ передавалось еще больше, но достовѣрно ничего не было извѣстно;

истиннаго положенія дѣль никто не зналъ. Только 1-го января 1826 г. былъ обнародованъ манифестъ, данный 13-го (25-го) декабря 1825 г. Онъ прекратилъ всѣ сомнѣнія. На слѣдующій день, т. е. 2-го января, войско и администрація присягали Николаю I. Въ тотъ же день въ обществѣ начали ходить слухи о бывшемъ въ Петербургѣ возмущеніи.

Въ состояніи умовъ въ Варшавѣ не было замѣтно, на первый взглядъ, никакой перемѣны; хотя всѣ отдавали справедливость прекраснымъ качествамъ покойнаго императора, но вѣра въ искренность его обѣщаній давно была утрачена. О немъ сожалѣли преимущественно женщины, какъ о человѣкѣ обворожительномъ и пріятномъ, но о достоинствахъ его, какъ монарха, умалчивали. Зато дѣлалась всевозможныя предположенія относительно наступавшаго царствованія. Одни высказывали сомнѣніе въ томъ, что императоръ Николай захочетъ исполнить обѣщанія, данныя его покойнымъ братомъ, и сохранить то подобіе конституціи, которое такъ поражало его русскихъ поданныхъ; другіе, зная огромную разницу въ характерѣ Николая и Константина, предвидѣли грозу и думали, что первый не захочетъ въ такой степени полагаться фантазіямъ брата, какъ это дѣлалъ Александръ, ради своего собственного спокойствія, и обращали свои взоры на молодаго монарха, въ надеждѣ, что онъ устранитъ многія злоупотребленія и обратитъ вниманіе на наши жалобы. Но и тѣ и другіе ошиблись. По вступленіи на престолъ, императоръ Николай I успокоилъ насъ обѣщаніемъ, что онъ намѣренъ во всемъ слѣдовать правительственной системѣ покойнаго императора, что дарованныя намъ учрежденія будутъ неприкосновенны и что онъ всѣми силами постарается выполнить данную имъ конституціонную хартію.

Еще до коронаціи, императоръ присягнулъ въ вѣрности конституціи и былъ безпрекословно признанъ королемъ, а великій князь Александръ Николаевичъ его законнымъ наслѣдникомъ.

Между тѣмъ въ Варшавѣ были арестованы Кюхельбекеръ и подполковникъ гродненскихъ гусаръ Лунинъ, участвовавшіе въ заговорѣ 14-го декабря, а изъ показаній арестованныхъ по этому дѣлу лицъ выяснилась ихъ связь съ польскими тайными обществами. Князь Антонъ Яблоновскій, человѣкъ весьма мягкосердечный, былъ арестованъ однимъ изъ первыхъ; какъ говорятъ, онъ открылъ императору всѣ планы тайныхъ польскихъ обществъ, все, что дѣлалось въ Варшавѣ и въ присоединенныхъ къ Россіи губерніяхъ царства Польскаго.

Въ Варшавѣ сразу все измѣнилось: тайная полиція была увеличена, начали принимать всевозможныя мѣры предосторожности; надъ нѣкоторыми лицами былъ учрежденъ тайный надзоръ. Подполковнику Провдзинскому, завѣдывавшему работами по устройству Августовскаго канала, было приказано явиться въ Варшаву. Онъ пріѣхалъ прямо ко мнѣ въ мою квартиру на Медовой улицѣ и провелъ у меня нѣсколько часовъ.

По тревогѣ, отражавшейся на его лицѣ, я сразу понялъ, что онъ находился въ опасности. Я рѣшилъ не покидать своего пріятеля и заступиться за него по мѣрѣ возможности. На другой же день по пріѣздѣ Прондзинскому было приказано явиться въ великому князю; тутъ онъ впервые подвергся допросу. Хотя онъ не передалъ мнѣ подробностей своего разговора съ великимъ княземъ, но по его смущенію можно было догадаться, что разговоръ былъ бурный. Послѣ этого его вызывали чуть не каждый день къ великому князю и русскому комиссару Новосильцеву и допрашивали объ его отношеніяхъ съ княземъ Яблоновскимъ и съ тайными обществами. Въ началѣ онъ отрицалъ какое бы то ни было участіе въ нихъ, но когда великій князь далъ ему честное слово, что ему уже извѣстны всѣ дѣйствія нашихъ тайныхъ обществъ изъ показаній князя Яблоновскаго, то Прондзинскій сдался и рассказалъ нѣкоторыя, впрочемъ неважныя, подробности, умолчавъ о главномъ.

Въ то время, какъ шли эти допросы, мы были постоянно окружены шпионами и тайной полиціей. Прондзинскій не могъ сдѣлать ни шагу на улицѣ, чтобы за нимъ не слѣдилъ издатель шпионъ. Когда онъ нанималъ извозчика, шпионъ также бралъ извозчика и ѣхалъ за нимъ слѣдомъ. Трое агентовъ тайной полиціи день и ночь находились въ шинкѣ противъ воротъ апликаціонной школы, откуда они слѣдили за каждымъ его шагомъ. Они осмѣлились даже заглядывать въ мою квартиру и разспрашивать прислугу о Прондзинскомъ. Одного изъ нихъ, черезчуръ нахальнаго, я спустилъ довольно неделикатно съ лѣстницы; другому, который вздумалъ однажды вечеромъ сопровождать насъ по Красинской площади, я порядкомъ далъ въ шею. Между тѣмъ, я старался по мѣрѣ возможности развлекать своего пріятеля и вселить въ него увѣренность, которой у меня самого не было. Недѣли двѣ спустя пріѣхала изъ Августова его жена, рожденная Рудковская, вышедшая за него замужъ всего нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Тогда Прондзинскій переѣхалъ отъ меня и поселился вмѣстѣ съ нею въ Виленскомъ отелѣ, гдѣ онъ и былъ арестованъ ночью нѣсколько дней спустя, и заключенъ въ монастырѣ кармелитовъ, гдѣ онъ выстрадалъ три года и три мѣсяца, пока не былъ выпущенъ на свободу. Въ ту же ночь были арестованы, подполковникъ л.-гв. конныхъ стрѣлковъ Северинъ Крыжановскій, каштелянъ Станиславъ Солтыкъ, Романъ Залусскій, бывшій адъютантъ великаго князя, референдарій Войцехъ Гржимайло, Плихта, Цихонскій, саперный поручикъ Собанскій и многіе другіе.

Въ Волынской и Подольской губерніяхъ и на Украинѣ было произведено еще больше арестовъ. На основаніи сознаний, сдѣланныхъ княземъ Яблоновскимъ, были арестованы: Собанскій, Мартинъ Тарновскій, Петръ Можинскій, Ворцель, Александръ Ходкевичъ, Викторъ Оссолинскій, принадлежавшіе къ самымъ знатымъ польскимъ фамиліямъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1826 г. по требованію польскаго правительства арестованы въ Парижѣ генераль Уминскій, Матвѣй Мелжинскій и мой зять, Іосифъ Крыжановскій. Всѣ трое были отвезены подѣ стражей въ Торнѣ.

Для допроса арестованныхъ, великій князь приказалъ назначить слѣдственную комиссію, въ составъ которой вошли слѣдующія лица: предсѣдатель, первоприсутствующій сенаторъ, графъ Станиславъ Замойскій, императорскій комиссаръ Новосильцевъ, военный министръ, генераль Гауке, министръ народнаго просвѣщенія, графъ Станиславъ Грабовскій, Моренгеймъ, генераль Колзаковъ и генераль Раутенштраухъ—исполнявшій должность секретаря.

Слѣдственной комиссіи было поручено раскрыть тайные замыслы обществъ какъ въ царствѣ Польскомъ, такъ и въ присоединенныхъ губерніяхъ, коими управлялъ великій князь, и открыть связь, существовавшую между тайными польскими и русскими обществами.

Всѣхъ лицъ, арестованныхъ въ провинціи и въ Познани, привезли въ скоромъ времени въ Варшаву.

Мой зять Крыжановскій также былъ привезенъ въ Варшаву подѣ надзоромъ прусскаго полицейскаго комиссара Крюгера и нѣсколькихъ жандармовъ и былъ допрошенъ въ комиссіи.

Это дало великому князю возможность проявить свои способности, въ чемъ дѣятельно помогалъ ему генераль Рожнецкій. Засѣданія комиссіи происходили при довольно торжественной обстановкѣ въ Брюлевскомъ дворцѣ. Въ одной изъ ярко-освѣщенныхъ залъ, за продолговатымъ зеленымъ столомъ, засѣдали члены комиссіи въ своихъ орденѣхъ. По вечерамъ тайно привозили обвиняемыхъ, которые садились за тотъ же столъ; подавали чай, и между членами комиссіи и обвиняемыми начинался разговоръ о постороннихъ предметахъ, какъ будто тутъ дѣло шло не о жизни этихъ послѣднихъ. Нѣсколько времени спустя предсѣдатель приступалъ къ допросу. На одномъ изъ этихъ засѣданій, саперный поручикъ Собанскій, на очной ставкѣ съ княземъ Яблоновскимъ, назвалъ его гнуснымъ предателемъ.

Настала очередь Прондзинскаго. Ему было предъявлено показаніе, сдѣланное въ минуту слабости великому князю. Бѣдняжка не ожидалъ, чтобы его довѣріемъ такъ злоупотребили. Тутъ онъ впервые понялъ сдѣланную имъ ошибку. Вернувшись въ свою арестантскую камеру, онъ сталъ жестоко упрекать себя за свою неосторожность; терзаемый своимъ положеніемъ, угнетенный одиночнымъ заключеніемъ и неизвѣстностью за будущее, онъ все болѣе и болѣе падалъ духомъ и предавался отчаянію. Опасаясь, чтобы данныя имъ показанія не повредили кому-либо изъ товарищей, онъ отрекся отъ всего, и не довѣряя самому себѣ, опасаясь своей слабости, рѣшилъ покончить съ собою и три дня не

принималъ никакой пищи. На третій день караульные нашли его безъ чувствъ. Былъ приглашенъ докторъ, и къ нему пріѣхалъ, по порученію великаго князя, самъ генералъ Курута, общая ему помилованіе; только увѣщанія священника и воспоминаніе о любимой имъ женѣ заставили его принять пищу. Съ этой минуты онъ покорился своей судьбѣ и старался наполнить тоску одиночества при помощи книгъ, которыя доставлялись ему въ послѣдствіи. Во время своего одиночнаго заключенія, онъ рѣшилъ оставить военную службу и заняться сельскимъ хозяйствомъ, но это счастье, о которомъ онъ мечталъ, не сбылось. Во время своего ареста онъ занялся также по приказанію великаго князя разработкою проекта о войнѣ съ Австріей. Здоровье Прондзинскаго, давно уже подорванное, было за это время совершенно распатано, и у него возникли тѣ болѣзни, которыми онъ страдалъ съ тѣхъ поръ въ теченіе 25-ти лѣтъ.

Генералъ Уминскій, М. Мельжинскій и Іосифъ Крыжановскій выказали болѣе твердости и не дались въ обманъ. Послѣдній своими смѣлыми и остроумными отвѣтами не разъ приводилъ комиссію въ замѣшательство и умѣлъ разгладить суровое чело комиссара.

Вначалѣ арестованныхъ содержали cadaго въ отдѣльной комнатѣ, въ которой окно было закрыто картонной ставней,—изобрѣтенія Рожнецкаго,—которая пропускала свѣтъ только сверху; имъ не позволяли сообщаться между собою; но мало-по-малу заинтересованныя въ нихъ лица, въ особенности варшавскія дамы и главнымъ образомъ Любинская, рожденная Оссолинская, и княгиня Залончекъ съумѣли умиловить караульныхъ, солдатъ и офицеровъ, такъ что со временемъ, кромѣ лишенія свободы, они болѣе ни въ чемъ не нуждались. Они могли сообщаться между собою, получали книги, газеты, письма и совѣты отъ своихъ друзей, собирались по вечерамъ на партію виста, принимали по секрету женъ, сестеръ и пріятелей.

При этомъ всѣмъ было хорошо, въ особенности же русскимъ караульнымъ солдатамъ и инвалидамъ, которые усердно служили арестованнымъ. Когда же у воротъ раздавался звонокъ, возвѣщая о какомъ-нибудь неожиданномъ посѣтителѣ, то по знаку, данному караульными, все приходило въ порядокъ, и арестованные оказывались каждый въ своей камерѣ запертые на ключъ и готовые принять посѣтителя. Такъ продолжалось все время, пока шло слѣдствіе.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года въ Варшаву пріѣхалъ изъ Петербурга герцогъ Веллингтонъ. Весь гарнизонъ вышелъ ему на встрѣчу. Въ замкѣ ему представлялись офицеры всѣхъ родовъ оружія. Онъ принялъ насъ въ мундирѣ русскаго фельдмаршала, подаренномъ ему покойнымъ императоромъ. Такъ какъ мундиръ былъ сшитъ по мѣркѣ императора, а фельдмаршалъ былъ оухопаръ, какъ индійскій набобъ, то онъ

сидѣлъ на немъ мѣшкомъ. Въ наружности Веллингтона не было впрочемъ ничего замѣчательнаго или привлекательнаго. Трудно было узнать въ немъ побѣдителя при Саламанкѣ и Ватерлоо. Я запомнилъ одно, что черты его лица напоминали китайскаго божка, дѣлающаго безконечныя поклоны.

Вслѣдъ за Веллингтономъ пріѣхалъ изъ Петербурга принцъ Фердинандъ д'Эсте. Я встрѣтился съ нимъ въ салонѣ г-жи Потоцкой. Его сопровождалъ полковникъ Кламъ, извѣстный впоследствии своей дипломатической миссіей. Принцу, вѣроятно, было непріятно воспоминаніе о Варшавѣ 1809 г., хотя городъ былъ много ему обязанъ за строгость, какую онъ соблюдалъ въ австрійскомъ войскѣ.

Послѣ смерти императора Александра, я пересталъ бывать въ Бельведерѣ. Когда Прондзинскій поселился у меня, я почувствовалъ всю щекотливость моего положенія по отношенію къ великому князю и не являлся во дворецъ подъ предлогомъ траура. Вскорѣ послѣ арестованія Прондзинскаго, я получилъ отъ своего начальника, генерала Гауке, приказаніе представить заявленіе о томъ, что я не принадлежу ни къ какому тайному обществу; такое же предписаніе было получено полковникомъ Скржинецкимъ и нѣсколькими другими офицерами, которыхъ великій князь наиболѣе подозрѣвалъ. Я написалъ заявленіе съ свойственною мнѣ откровенностью, зная отлично, что этимъ поступкомъ я разсѣю сомнѣнія великаго князя относительно меня и никому не причиню вреда, сдѣлавъ признаніе весьма ничтожное по сравненію съ тѣмъ, въ чемъ мы обвинялись.

Я сознался въ томъ, что въ 1816 г. мы составили съ Густавомъ Малаховскимъ и Прондзинскимъ тайное общество подъ названіемъ «Польскихъ друзей» и сказалъ, что цѣлю этого общества были заботы о нашей народности, и что другихъ противоправительственныхъ цѣлей у насъ не было. Въ общемъ показаніе мое было написано въ довольно шутиливомъ тонѣ, такъ какъ мнѣ не хотѣлось, чтобы было придано особенное значеніе тому, къ чему мы сами относились довольно легко; въ заключеніе я упомянулъ даже о носилкахъ г-жи Вобанъ и т. д. Заявленіе мое было отдано на слѣдующій день великому князю, который, прочитавъ его, сказалъ княгинѣ Ловичъ: «твой кузенъ также принадлежитъ къ тайному обществу, онъ былъ его основателемъ». Болѣе объ этомъ не было рѣчи, хотя великій князь долго послѣ этого косился на меня.

Но признаться, я опасался нѣкоторое время, что меня постигнетъ участь Прондзинскаго и что за сочувствіе, оказанное мною пріятелю, великій князь накажетъ меня нѣсколькими мѣсяцами заточенія у кармелитовъ.

Великій князь, присутствіе котораго въ Варшавѣ было необходимо,

не могъ быть въ Петербургѣ на похоронахъ императора Александра I; но, не желая пропустить церемоніалъ, онъ вздумалъ совершить обрядъ погребенія въ Варшавѣ. По этому поводу весь городъ одѣлся въ трауръ. Католическое духовенство, монашескіе ордена, братства, цехи, сенатъ, чиновники, войско шло въ погребальномъ шествіи впереди пышнаго гроба, поставленнаго на парадной колесницѣ, въ которомъ лежало полное генеральское облаченіе покойнаго царя. При колокольномъ звонѣ, военной музыкѣ и пальбѣ орудій пустой гробъ былъ привезенъ въ кафедральный соборъ св. Яна. Архіепископъ Вороничъ вышелъ, въ главѣ кафедральнаго духовенства, на встрѣчу гроба съ кадиломъ и святой водою и поклонился якобы праху; тогда гробъ былъ поставленъ на пышномъ катафалкѣ, украшенномъ императорскою короной. На слѣдующій день была отслужена заупокойная обѣдня съ панихидой и совершенно погребальное шествіе въ присутствіи великаго князя. До 200 человекъ, въ числѣ которыхъ были многіе любители, пропѣли «Реквіемъ» Моцарта подъ управленіемъ Курпинскаго. Архіепископъ сказалъ съ амвона подходящее къ случаю выспреннее и трогательное слово, превознеся качества покойнаго императора.

Великому князю такъ понравилось это зрѣлище, что по его желанію оно было повторено на слѣдующій день. На этотъ разъ подъ управленіемъ Соливы исполнили «Реквіемъ» извѣстнаго композитора Козловскаго, который произвелъ на присутствующихъ болѣе сильное впечатлѣніе, нежели «Реквіемъ» Моцарта.

3-го октября совершилось торжество коронаванія императора Николая I. Великій князь Константинъ Павловичъ своимъ присутствіемъ на коронаціи хотѣлъ доказать всему свѣту искренность своихъ намѣреній.

Его поведеніе было отмѣчено достоинствомъ и преданностью новому монарху, чѣмъ онъ снискалъ всеобщее уваженіе и одобреніе. Присутствовавшій на коронаціи маршалъ Мармонтъ со всѣмъ своимъ штабомъ и многіе другіе чрезвычайные послы заграничныхъ державъ пріѣхали въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Варшаву, чтобы изъявить свое почтеніе великому князю. За эту любезность онъ отплатилъ имъ, въ особенности французскимъ офицерамъ, окруживъ ихъ шпіонами, которымъ было приказано слѣдить за каждымъ ихъ шагомъ. У маршала Мармонта по приказу великаго князя отрѣзали между Варшавой и Ражнымъ сундукъ, въ которомъ надѣялись найти какую-то переписку. Мармонтъ, чрезвычайно раздраженный, жаловался на нарушеніе всякаго уваженія по отношенію къ послу; однако забранныя у него бумаги не были возвращены.

Между тѣмъ слѣдственная коммиссія продолжала свою работу. Число арестованныхъ росло съ каждымъ днемъ. И тюрьмы начали

переполняться. Генерала Уминскаго, Матвѣя Мельжинскаго и Іосифа Крыжановскаго отвезли обратно въ Торнъ, такъ какъ они подлежали суду прусскаго правительства. О Прондзинскомъ я узналъ только, что онъ менѣе скомпрометтированъ, нежели можно было думать вначалѣ, и что жена получаетъ отъ него извѣстія. Надъ Варшавой нависла печаль.

Закончивъ слѣдствіе въ концѣ 1826 г., коммиссія представила свой докладъ 3-го января 1827 г. На основаніи его было повелѣно судить всѣхъ лицъ, привезенныхъ изъ присоединенныхъ губерній, обыкновеннымъ судомъ въ Россіи, польскихъ же подданныхъ судить въ Варшавѣ. Согласно конституціи, всѣ государственныя преступленія подлежали суду сената. Этому-то важному присутственному мѣсту и было повелѣно рассмотреть настоящее дѣло; этимъ государь выказалъ себя болѣе умѣреннымъ и снисходительнымъ, нежели великій князь, который настаивалъ на томъ, чтобы всѣхъ виновныхъ предали военному суду. Предсѣдателемъ Сеймоваго суда былъ назначенъ старшій воевода, Петръ Бѣлинскій, всѣми уважаемый старецъ.

Судъ началъ свои засѣданія въ октябрѣ мѣсяцѣ 1827 г. Онъ долженъ былъ происходить публично, со всѣми формальностями, обезпечивавшими свободу преній и защиты. Варшава живо интересовалась этимъ дѣломъ, ибо въ душѣ каждый сознавалъ, что осужденіе виновныхъ будетъ равносильно приговору его собственныхъ взглядовъ, его собственныхъ желаній.

Но и тутъ рука великаго князя дала себя почувствовать. Не желая, чтобы публика присутствовала въ залѣ суда, который происходилъ въ домѣ Красинскаго, онъ наполнилъ мѣста, предназначенныя для публики, нанатыми шпионами, такъ что не только родные и друзья обвиненныхъ, но даже защитники и адвокаты не могли найти себѣ мѣста.

Но, не смотря на всѣ эти препоны, сенаторы собрались въ полномъ составѣ съ епископомъ во главѣ. Князь Адамъ Чарторыйскій пріѣхалъ на засѣданіе изъ Италіи. Прежде всего былъ прочитанъ обвинительный актъ и заключеніе оберъ-прокурора Вычавовскаго. Затѣмъ начался допросъ обвиняемыхъ, и защитники, избранные изъ числа извѣстнѣйшихъ варшавскихъ адвокатовъ, произнесли свои рѣчи, послѣ чего было приступлено къ подачѣ голосовъ. Ксендзъ Бержинскій, епископъ сендомірскій, первый подалъ голосъ: снявъ съ груди наперсный крестъ и высоко поднявъ его, онъ произнесъ громкимъ голосомъ, который гулко раздался въ залѣ: «клянусь именемъ распятаго Бога: они невинны». Къ его словамъ единогласно присоединились всѣ прочіе сенаторы, за исключеніемъ только одного Викентія Красинскаго, который произнесъ: «виновны». Можно себѣ представить, до какой степени вся Варшава была поражена этимъ приговоромъ. Всѣ, даже незнакомые

обнимали, поздравляли другъ друга, какъ будто избавились отъ большой опасности; не находили достаточно похвалъ для сенаторовъ, Красинскаго же всѣ поносили.

Великій князь мрачно взиралъ на эти изъявленія радости и видѣлъ въ нихъ только оскорбленіе величества и поруганіе его собственной власти. За то же самое дѣло, за тотъ же проступокъ виновные были наказаны въ Россіи смертью и ссылкой въ Сибирь, а тутъ, въ Польшѣ, на его глазахъ, они оставались безнаказаны; онъ не могъ этого допустить. Онъ позабылъ, что у насъ до тѣхъ поръ не существовало закона, каравшаго за намѣреніе, за мысль, а не за преступное дѣйствіе. Онъ позабылъ, что стремленія нашихъ тайныхъ обществъ были возбуждены либеральными планами его брата Александра и его обѣщаніемъ присоединить къ царству забранныя губерніи. Могли ли судьи осудить мысли и надежды, возбужденныя самимъ монархомъ?

Законъ долженъ былъ въ этомъ случаѣ смолкнуть; судьи были вынуждены оправдать виновныхъ. Этотъ достопамятный приговоръ, имѣвшій такое важное вліяніе на дальнѣйшія событія и въ особенности на ноябрьское возстаніе, былъ произнесенъ 17-го октября 1827 года.

Въ томъ же году наша аппликаціонная школа подверглась преслѣдованію. Въ началѣ іюня, когда занятія у насъ еще не были окончены, неожиданно былъ полученъ приказъ великаго князя, повелѣвавшій закрыть школу и послать учениковъ въ лагерь подъ Повонзкамъ, распредѣливъ ихъ по разнымъ полкамъ, гдѣ они должны были нести службу наравнѣ съ простыми солдатами. Мы долго не могли понять, чѣмъ былъ вызванъ столь удивительный приказъ; только позднѣе мы узнали, что одинъ изъ служащихъ въ школѣ, подслушавъ какой-то разговоръ между учениками, донесъ о томъ, что они легкомысленно говорили между собою. Нѣкоторые приписывали все случившееся доносу, сдѣланному бывшимъ воспитанникомъ школы, княземъ Маврокордато, который служилъ въ русской артиллеріи и своимъ мрачнымъ и скрытнымъ характеромъ напоминалъ собою греческаго заговорщика.

Генералъ Гауке, огорченный этимъ приказомъ, предвидя вредныя послѣдствія, какія это могло имѣть для учениковъ, въ числѣ которыхъ находился и его собственный сынъ, рѣшилъ представить великому князю, какое вредное вліяніе могла имѣть эта мѣра на нравственность молодыхъ людей.

— Я знаю, что это варварство,—сказалъ великій князь,—но я не отмѣню своего приказа!—и Гауке долженъ былъ замолчать.

Ученики, распредѣленные по полкамъ, пробыли въ лагерѣ до окончанія осеннихъ маневровъ. Легко себѣ представить, какъ вредно было

для нихъ пребываніе среди необразованныхъ грубыхъ солдатъ. Многіе поплатились за это здоровьемъ. Особенно горевали бѣдныя матери. Замойская, Ржевусская, Потоцкая, Четвертинская ѣздили съ жалобою и просьбою къ княгинѣ Ловичъ, но ничто не помогло. Въ слѣдующіе за тѣмъ годы, ученикамъ также пришлось отбывать лагерный сборъ, съ тою лишь разницею, что имъ были сдѣланы нѣкоторыя послабленія.

Возвратимся, однако, къ сеймовому суду, происходившему въ Варшавѣ. Первымъ дѣломъ великаго князя было, что онъ не привелъ приговора сената въ исполненіе, запретилъ опубликовать его и приказалъ не освобождать никого изъ арестованныхъ впредь до утвержденія приговора императоромъ. Императоръ, настроенный братомъ, повелѣлъ короннымъ судьямъ вторично рассмотреть дѣло и разъяснить, согласовался ли приговоръ сената съ буквою закона; сенаторамъ же выразилъ свое высочайшее неодобреніе.

Послѣ продолжительныхъ совѣщаній и многихъ проволочекъ, судъ, на основаніи заключенія, даннаго княземъ Любецкимъ, и вопреки всѣмъ возраженіямъ великаго князя и Новосильцова, рассмотрѣвъ дѣло, пришелъ къ заключенію, что сенатъ не могъ произнести инаго приговора, и онъ былъ обнародованъ 18-го марта 1829 г. Арестованные были наконецъ освобождены, за исключеніемъ подполковника Северина Крыжановскаго, который былъ увезенъ изъ Варшавы и, какъ русскій подданный, отданъ подъ судъ въ Россіи. Крыжановскій былъ приговоренъ къ пожизненной ссылкѣ въ Сибирь. Онъ скончался въ 1839 г. въ Тобольскѣ.

Настроеніе варшавскаго общества выразилось съ особенной силою осенью 1827 года, во время похоронъ воеводы Бѣлинскаго.

По этому поводу князь Адамъ Чарторыйскій впервые выступилъ публично въ надгробномъ словѣ, сказанномъ экспромтомъ. Никто не ожидалъ отъ него такой смѣлости. Съ тѣхъ поръ Варшава стала относиться съ большимъ уваженіемъ къ патріотическимъ чувствамъ князя Адама и восторгалась его краснорѣчіемъ.

Осенью того же года, я былъ взволнованъ слѣдующимъ случаемъ.

Князь Маврокордато, довольный познаніями, прибрѣтенными его старшимъ сыномъ въ аппликаціонной школѣ, и его быстрымъ повышеніемъ по службѣ, вздумалъ подарить насъ своими двумя младшими сыновьями. Онъ отправился съ этою цѣлью къ генералу Курутѣ и добился черезъ него, что великій князь приказалъ принять ихъ въ нашу школу.

По правиламъ, кои до тѣхъ поръ строго соблюдались, предписывалось принимать въ школу только воспитанниковъ, окончившихъ кадетскій корпусъ въ Калишѣ; въ противномъ случаѣ требовалось, чтобы молодые люди сдали вступительный экзамень. Сыновьямъ князя Мавро-

кордато было одному 10, а другому 12 лѣтъ; они владѣли только греческимъ языкомъ, не знали первыхъ правилъ ариметики, о другихъ наукахъ нечего было и говорить.

Только пробывъ 3 или 4 года въ средней школѣ и научившись языкамъ, они могли быть подготовлены на столько, чтобы сдать экзаменъ. Аппликаціонная школа отнюдь не была элементарной школой для малолѣтнихъ, но высшимъ военно-учебнымъ заведеніемъ для взрослой молодежи. Ея значеніе и цѣль были бы совершенно извращены, если бы въ ней стали преподавать то, что проходится въ первомъ классѣ кадетскаго корпуса. Я высказалъ все это отцу мальчиковъ и генералу Гауке. Первый отвѣчалъ равнодушно:

— Это сдѣлано по приказанію великаго князя!

А второй, раздраженный непріятностями, какія ему пришлось имѣть по поводу школы и въ особенности посылкою учениковъ въ предыдущемъ году въ лагерь, только пожалъ плечами. Я былъ чрезвычайно встревоженъ всѣмъ этимъ и, встрѣтившись со старшимъ сыномъ князя Маврокордато, артиллерійскимъ офицеромъ, Карломъ Маврокордато, служившамъ въ русской арміи, высказалъ ему свое удивленіе по поводу того, что будучи хорошо знакомъ съ программой нашей школы и съ тѣми трудностями, какія ему самому пришлось преодолѣть, пока онъ не усвоилъ самыя элементарныя свѣдѣнія, онъ могъ дать отцу подобный совѣтъ. Не обращая вниманія на наши четырехлѣтнія добрыя отношенія, онъ отвѣчалъ мнѣ еще холоднѣе отца: «это сдѣлано по приказанію великаго князя!» Протекція генерала Куруты сдѣлала его заносчивымъ.

Подобный отвѣтъ, не допускавшій никакихъ возраженій, былъ не что иное, какъ насмѣшка надъ нашими правилами. Между тѣмъ греческіе мальчишки поступили къ намъ въ школу. Савинскому пришлось устроить для нихъ отдѣльный элементарный курсъ и платить приглашеннымъ спеціально для нихъ учителямъ чистописанія, ариметики и языковъ изъ суммъ, отпущенныхъ на книги и модели.

Нѣсколько дней спустя Карлъ Маврокордато пріѣхалъ въ школу навѣстить мальчиковъ. Узнавъ объ его пріѣздѣ, я велѣлъ попросить его къ себѣ, чтобы съ глаза на глазъ еще разъ переговорить съ нимъ и высказать ему всѣ неудобства, какія причиняла намъ недостаточная подготовка его братьевъ.

Но едва я началъ говорить объ этомъ, какъ Маврокордато крикнулъ совершенно неприличнымъ тономъ: «великій князь такъ приказалъ».

— Да, конечно, это сдѣлано по приказанію великаго князя,—отвѣчалъ я,—но по особенной просьбѣ вашего отца, который не принялъ во вниманіе, что наша школа существуетъ вовсе не для того, чтобы обу-

чать грамотѣ такихъ маленькихъ дѣтей, какъ ваши братья. Аппликаціонная школа основана для лицъ, прошедшихъ среднюю школу! Со стороны вашего отца было бы благоразумнѣе, если бы онъ попросилъ опредѣлить ихъ на три или на четыре года въ Калишъ; да и для нихъ это было бы несравненно полезнѣе.

Возвышая голосъ, Маврокордато повторилъ на это самымъ нахальнымъ образомъ, нѣсколько разъ: «таково было желаніе великаго князя».

— Вы забываетесь, милостивый государь, прошу васъ успокойтесь и прежде всего не возвышайте голоса!

Но грекъ, раздражаясь все болѣе и болѣе, уже не владѣлъ собою. Опасаясь, чтобы нашъ крупный разговоръ не услышали на крыльцѣ, и чтобы ко мнѣ кто-либо не вошелъ, я заперъ дверь на ключъ и сказалъ ему строго:

— Послѣдній разъ прошу васъ замолчать, ибо въ противномъ случаѣ я позову дежурнаго офицера и прикажу арестовать васъ.

Услыхавъ это, онъ поблѣднѣлъ и хотѣлъ выйти изъ комнаты, но ключъ былъ у меня въ рукахъ.

— Развѣ вы боитесь меня?—сказалъ я,—развѣ вы меня не знаете; вы забыли, чѣмъ я былъ для васъ?

Видя однако же, что онъ страшно перепугался, я отперъ дверь и выпустилъ струсившаго грека.

Эта сцена привела меня въ негодованіе. Я не считалъ возможнымъ умолчать о проступкѣ молодаго человека, только потому, что онъ пользовался протекціей великаго князя и служилъ въ русскомъ войскѣ.

Я былъ оскорбленъ лично и какъ старшій въ чинѣ. Поэтому я рѣшилъ донести обо всемъ полковнику Савинскому, какъ моему ближайшему начальнику, а онъ донесъ объ этомъ въ свою очередь генералу Гауке, который, взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла, написалъ генералу Курутѣ, прося его наказать князя Маврокордато.

Между тѣмъ на слѣдующій день вечеромъ явились ко мнѣ два русскихъ офицера, товарищи Карла Маврокордато, съ вызовомъ на дуэль за оскорбленіе его въ моей собственной квартирѣ. Я отвѣчалъ этимъ господамъ, что князь вовсе не былъ оскорбленъ мною, что, напротивъ, онъ велъ себя по отношенію меня самымъ недостойнымъ образомъ и что такъ какъ онъ оскорбилъ меня, какъ старшаго въ чинѣ, то я былъ вынужденъ донести о случившемся начальству.

— Что касается дуэли, то мы поговоримъ о ней послѣ того, какъ вашъ товарищъ будетъ наказанъ, — сказалъ я, — пока о ней нечего и думать, такъ какъ либо онъ, либо я должны сперва выйти въ отставку; а тогда я не откажусь драться съ нимъ.

Товарищи Маврокордато рассказали вездѣ о своемъ свиданіи со мною и о предстоящей дуэли. Объ этомъ дошло до свѣдѣнія генерала Куруты.

Великій князь былъ чрезвычайно разсерженъ и сказалъ, какъ мнѣ передавали:

— Это было бы отцеубійство; Колачковскій вѣдь заботился о немъ четыре года, какъ родной отецъ.

По приказанію великаго князя былъ назначенъ военный судъ, который приговорилъ князя Маврокордато и его секундантовъ къ исключенію изъ службы; приговоръ этотъ по моей просьбѣ былъ смягченъ великимъ княземъ, и они были переведены изъ гвардейской въ полевую пѣшую артиллерію.

Польша въ 1814 — 1831 гг.

(Изъ воспоминаній генерала Клементія Колачковскаго).

III ¹⁾).

Великій князь Константинъ Павловичъ, какъ инструкторъ польскихъ войскъ.—Коронованіе императора Николая I въ Варшавѣ.—Сеймъ 1830 г.—Пріѣздъ въ Варшаву прусскаго принца Фридриха-Вильгельма и Александра Гумбольдта.—Іюльскія событія въ Европѣ.—Возстаніе въ Парижѣ.—Положеніе великаго князя Константина Павловича.—Диктаторство Хлопицкаго.—Его характеристика и дѣятельность.

1828 годъ былъ памятенъ Россіи турецкой войною.

Вѣроятно, многимъ будетъ удивительно, что ни одна часть польскаго войска не была употреблена въ эту кампанію, хотя императоръ и выразилъ желаніе, чтобы въ дѣйствующую армію была послана одна дивизія пѣхоты и дивизія кавалеріи; онъ предлагалъ это Константину Павловичу. Мысль связать товарищескими узами на полѣ битвы два войска, которыя должны были сражаться подъ одними знаменами, была весьма цѣлесообразна. Быть можетъ, этимъ были бы устранены послѣдующія событія. Какъ бы то ни было, великій князь не хотѣлъ внять этимъ доводамъ и энергично возсталъ противъ предложенія своего брата: смотря на Саксонской площади, во время которыхъ онъ не могъ потерять ни одного человѣка, были для него дороже всякихъ иныхъ соображеній. Въ дѣйствующую армію было послано только человѣкъ до ста, офицеровъ квартирмейстерской части, корпуса инженеровъ и бывшихъ учениковъ аппликаціонной школы, выпущенныхъ въ пѣхоту.

Между тѣмъ великій князь пожиналъ не окровавленные лавры на поляхъ подъ Повонзками. Его мало интересовали военные дѣйствія,

---

¹⁾ См. «Русскую Старину» май 1902 г.

происходившія на Дунаѣ, еще менѣе интересовался онъ славой россійскаго оружія и мало заботился объ опасности, которой могъ подвергнуться императоръ. Единственное доказательство участія, которое великій князь принималъ въ этой войнѣ, выразилось въ построеніи во время маневровъ батальоновъ въ карре и устроенное имъ, по предложенію генерала Гауке, примѣрное обложеніе бастіона, насыпаннаго два года передъ тѣмъ, подъ моимъ наблюденіемъ, саперами на песчаныхъ холмахъ предъ фронтомъ лагеря.

Работы по обложенію начались 20-го августа и окончились 4-го сентября 1828 года. Отряды пѣхоты, артиллерія и саперъ, исполняли по очереди всевозможныя работы, предписываемыя теоріей и практикой осады крѣпостей.

Передъ началомъ этихъ работъ аппликаціонная школа совершила подъ моимъ наблюденіемъ военную прогулку въ Модлинъ, гдѣ ученики занялись составленіемъ плановъ новаго укрѣпленія и нивелировкой. Эти работы заняли весь іюль мѣсяцъ.

Великій князь находился въ это время въ Литвѣ, гдѣ онъ производилъ смотръ Литовскому корпусу и откуда онъ вернулся только въ концѣ августа; осмотрѣвъ наши работы, онъ выразилъ намъ свое удовольствіе.

13-го (25-го) марта мой пріятель Прондзинскій былъ освобожденъ изъ своего заточенія въ монастырѣ кармелитовъ, гдѣ онъ просидѣлъ около трехъ лѣтъ.

Приближалась коронація, о которой давно уже было возвѣщено жителямъ Варшавы. Къ этому торжеству въ Варшаву пріѣхали: императоръ съ супругою, наследникъ престола, великій князь Михаилъ со свитою. По этому случаю дѣлались пышныя приготовленія мѣстными властями, войскомъ и городами. Сенаторы собрались на торжество коронаціи въ полномъ составѣ; польское войско и гвардія (численностью до 40.000) стали лагеремъ подъ Повонсками. Весьма многіе помѣщики пріѣхали изъ своихъ имѣній съ семьями, желая видѣть смотръ войскамъ. Въ Варшаву были привезены знаки царскаго достоинства, тѣ самые, коими императоръ короновался въ Москвѣ. Поляки надѣялись видѣть на челѣ русскаго монарха польскую корону; но, увидѣвъ русскую, начали роптать. Неудовольствіе росло съ каждымъ днемъ, находя отзвукъ въ высшихъ правительственныхъ лицахъ и въ войскѣ. Вновь восприимчивыя общества, еще не прекратившія своей дѣятельности.

Самые ярые члены этихъ обществъ хотѣли произвести во время коронаціи нападеніе на царскую фамилію, обезоружить гвардію и произвести возстаніе. Насколько эта мысль созрѣла въ умахъ заговорщиковъ, какія приготовленія были сдѣланы ими съ этой цѣлью, что побудило ихъ отложить выполненіе своего намѣренія, мнѣ не извѣстно; кажется, этотъ

гнусный планъ не былъ приведенъ въ исполненіе вслѣдствіе присущаго нашему народу отвращенія къ царевѣиству и изъ опасенія нарушить такимъ вопіющимъ злодѣяніемъ въ глазахъ Европы права гостепріимства и отчасти вслѣдствіе разлада, происшедшаго между заговорщиками. Но, должно быть, великому князю было извѣстно о существованіи этого позорнаго намѣренія, такъ какъ во время коронаціи и слѣдовавшихъ за нею торжествъ онъ выказывалъ все время большое волненіе.

Не смотря на то, что Варшава находилась какъ бы на вулканѣ, торжество коронаціи прошло спокойно по составленной заранѣ программѣ. Наканунѣ, на улицахъ и площадяхъ Варшавы, развѣзжали герольды, возвѣщавшіе о готовившемся торжествѣ, и провозглашали титулъ императора.

Титулъ былъ тотъ же, какой провозглашался на тѣхъ же улицахъ и площадяхъ во времена польскихъ королей.

Знаки императорскаго достоинства были отнесены въ торжественной процессіи въ кафедральный костелъ и торжественно освящены послѣ обѣдни.

На слѣдующій день императоръ, въ присутствіи сенаторовъ, дипломатическаго корпуса и многочисленныхъ жителей, собравшихся въ замкѣ, возложилъ на себя корону и знаки царскаго достоинства, поданные ему архіепископомъ Вороничемъ, преклонивъ колѣна на ступеняхъ трона, повторилъ слова молитвы, прочитанной архіепископомъ, послѣ чего архіепископъ воскликнулъ: *vivat rex in aeternum*; орудія на замковыхъ валахъ загремѣли; колокола зазвонили. Императоръ двинулся изъ замка подъ балдахиномъ, который поддерживали штабъ-офицеры, въ числѣ коихъ находился и я. Пройдя по Свенто-Янской улицѣ, застланной пунцовымъ сукномъ, въ сопровожденіи царской фамиліи и свиты сановниковъ, сенаторовъ, пословъ и генераловъ, императоръ направился въ кафедральный соборъ св. Яна, гдѣ католическое духовенство вознесло молитвы о благополучномъ царствованіи императора и короля. По улицамъ были разставлены шпалерами войска. Около памятника Сигизмунда III были устроены застланныя коврами мѣста для зрителей, гдѣ нѣсколько тысячъ дамъ своею красотою и разноцвѣтными нарядами увеличивали блескъ торжественнаго зрѣлища, залитаго яркимъ майскимъ солнцемъ. По окончаніи церковной службы, императоръ со свитою тѣмъ же порядкомъ вернулся въ замокъ, сопровождаемый кликами собравшейся тысячной толпы.

Въ тотъ день былъ сожженъ фейерверкъ для народа, состоялся безплатный театръ, парадъ, смотръ, угощеніе для войска, обѣдъ, балъ для всѣхъ классовъ общества, и т. д.

Все совершилось по утвержденной заранѣ программѣ и подъ отеческимъ окомъ полиціи, какъ должно.

Всѣ крики радости исходили не изъ сердца, веселость была не искренная, всякій, отъ мала до велика, мало-мальски знакомый съ исторіей Польши, былъ оскорбленъ въ своихъ національных чувствахъ; всѣ знали, что никто искренно не сочувствуетъ этому торжеству, ибо корона, которую возложилъ на себя Николай I, была не королевская корона; императоръ показалъ, что царство Польское, въ глазахъ его и русскаго народа, было не что иное, какъ завоеванная провинція, подобно царству Казанскому, Астраханскому и т. д., хотя при коронаціи присутствовалъ архіепископъ, но онъ не мазалъ императора муромъ, не короновалъ его; императоръ былъ окруженъ русскою гвардіей.

Цѣль, которую имѣлъ императоръ: сблизить, примирить, слить оба народа, не была достигнута. Ненависть, недовѣріе, зависть, росли съ каждымъ днемъ и вспыхнули вскорѣ яркимъ пламенемъ, которое никто уже не былъ въ состояніи потушить!

На слѣдующій годъ, въ первыхъ числахъ мая императоръ вторично прибылъ со своей супругою и дворомъ въ Варшаву и открылъ 13-го мая первый въ его царствованіе сеймъ. Изъ Берлина пріѣхалъ привѣтствовать его наслѣдникъ прусскаго престола, принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ (впослѣдствіи король), въ сопровожденіи инженеръ-генерала Рауха и Александра Гумбольдта, только-что передъ тѣмъ возвратившагося изъ большаго путешествія въ Среднюю Азію и Оренбургъ. Начались парады, смотры, представленія, обѣды, балы, на которыхъ я присутствовалъ по обязанности службы. На одномъ изъ нихъ, у сенатора Замоискаго, великій князь представилъ меня Александру Гумбольдту, съ которымъ я имѣлъ интересный разговоръ о его послѣднемъ путешествіи. Это былъ еще бодрый старикъ, одаренный необычайной памятью, но слишкомъ много говорившій о себѣ.

Апликаціонная школа удостоилась посѣщенія прусскаго принца, онъ пріѣхалъ къ намъ съ Гумбольдтомъ и генераломъ Раухомъ совершенно неожиданно, въ 9 часовъ утра, и пробылъ у насъ два часа, интересовался нашимъ курсомъ и обнаружилъ знакомство со всѣми науками, какія у насъ проходились. На него произвела впечатлѣніе представительная наружность полковника Совинскаго, а когда онъ узналъ, что полковникъ служилъ ранѣе въ прусскомъ войскѣ, и увидѣлъ у него на груди орденъ *Pour le mérite*, то онъ отнесся къ нему еще любезнѣе, даже можно сказать сердечно. Принцъ очаровалъ всѣхъ насъ своимъ умомъ и привѣтливымъ обращеніемъ. Мы показали ему наши модели, рисунки учениковъ; время прошло незамѣтно до 11 часовъ, когда прибѣжалъ запыхавшійся флигель-адъютантъ, давно уже разыскивавшій его, чтобы сообщить, что великій князь, вернувшись со смотра, ожидаетъ принца.

— Зачѣмъ же отрываетъ онъ меня отъ васъ,—сказалъ принцъ,—мнѣ тутъ такъ хорошо, я охотно пробылъ бы тутъ подольше.

Я слышалъ въ послѣдствіи, что Гумбольдтъ, на вопросъ императора о томъ, какъ онъ нашелъ нашу школу, похвалилъ ее въ присутствіи великаго князя, сказавъ, что въ ней введены всѣ новые методы, принимаемые въ политехнической школѣ въ Парижѣ.

— А все-таки они бѣлые яковинцы, сказалъ на это великій князь.

Такова была награда, которую мы услышали изъ его устъ за наши десятилѣтніе труды!

Передъ отъѣздомъ изъ Варшавы, императоръ и императрица принимали въ Духовъ день участіе въ народномъ гуляніи въ Бѣлянахъ; они ѣхали въ открытомъ экипажѣ въ ряду другихъ экипажей, любезно раскланиваясь на всѣ стороны. Ихъ встрѣчали такъ радушно, что казалось, будто между монархомъ и народомъ снова установилось полное довѣріе. Умѣніе народа держать себя, красота женщинъ, ихъ весенніе наряды поразили высочайшихъ особъ.

Въ началѣ сентября мы были какъ громомъ поражены извѣстіемъ объ іюльской революціи въ Парижѣ, а четыре мѣсяца спустя о революціи въ Брюсселѣ и о революціонномъ движеніи въ Брауншвейгѣ, Касселѣ, Дрезденѣ и другихъ нѣмецкихъ городахъ. Не смотря на всѣ старанія полиціи, вѣсть о событіяхъ, происходившихъ въ Западной Европѣ, переходила изъ устъ въ уста; давно уже возбужденные умы заволновались. Въ войскѣ, въ университетѣ, наконецъ въ обществѣ скопилась масса горячаго матеріала: можно было опасаться, что вскорѣ въ Варшавѣ произойдутъ тѣ же кровавыя сцены, которыя происходили на улицахъ Парижа и Брюсселя. Для этого было достаточно одной искры.

Во время іюльской революціи, великій князь съ княгиней Ловичъ находился, насколько припомню, въ Дрезденѣ; онъ не спѣшилъ въ Варшаву, чтобы парализовать своимъ присутствіемъ замыслы, о которыхъ ему давно уже было извѣстно, и тѣмъ предотвратить хотя бы на время надвигавшуюся грозу,—это было ошибкою съ его стороны. Онъ возвратился только въ октябрѣ. Близкіе къ великому князю люди, пользовавшіеся его довѣріемъ, говорили, что событія, разыгравшіяся въ Парижѣ, произвели на него сильное впечатлѣніе, что всѣ его поступки изобличали сильное душевное волненіе. Прежняя его порывистость уступила мѣсто какой-то, до тѣхъ поръ, небывалой снисходительности и кротости въ дѣлахъ службы. Великій князь сталъ жаловаться во всеуслышаніе на свое здоровье, говорилъ, что онъ усталъ и хочетъ отдохнуть. Онъ не разъ повторялъ, что служить уже 40 лѣтъ, что ему пора подумать объ отставкѣ и что онъ давно уже просилъ императора освободить отъ его обязанностей. Проѣзжая однажды мимо казармъ Волынскаго полка, онъ посмотрѣлъ на нихъ съ грустью и сказалъ своему адъютанту:

— Я знаю, что меня ожидаетъ въ Варшавѣ,—да будетъ воля Божія—меня тревожитъ болѣе всего участь этихъ молодцовъ!

Приближенные великаго князя говорили, что, вѣроятно, опасность близка, коли онъ сдѣлался такъ кротокъ.

Во то время въ Варшавѣ разнеслись вѣсти о намѣреніи императора объявить войну Франціи, о союзѣ, заключенномъ съ Австріей и Пруссіей, о приведеніи Польскаго и Литовскаго корпусовъ на военное положеніе, объ обширныхъ запасахъ аммуниціи, сосредоточенныхъ въ Модлинѣ, и т. п. Свѣдущіе люди были убѣждены, что не далѣе, какъ весною, произойдутъ важныя событія, говорили даже, будто императоръ Николай хотѣлъ стать во главѣ новой коалиціи противъ Франціи для подавленія совершившейся уже революціи, которая кромѣ перемѣны династіи не повлекла за собою для Европы никакихъ дурныхъ послѣдствій.

Между тѣмъ въ варшавской атмосферѣ чувствовалось приближеніе грозы. Полиція каждую ночь сдирала съ угловъ прокламаціи, возвѣщавшія о возстаніи. Однажды утромъ, на стѣнахъ Брюлевскаго дворца, въ которомъ жилъ великій князь, появилось объявленіе съ надписью: «Этотъ домъ отдается въ наемъ съ 1-го января 1831 года».

Физіономія города преобразилась: на улицахъ появилось много новыхъ лицъ. Рассказывали о заупокойной обѣднѣ, отслуженной академикомъ по убитымъ при взятіи Праги. Руководители тайныхъ обществъ, воспользовавшись отсутствіемъ великаго князя и сосредоточіемъ войска въ лагерѣ, дѣятельно старались склонить умы къ возстанію. Кажется, еще до окончанія лагернаго сбора все было условлено, и къ заговору примкнули многіе офицеры, академики и чиновники. Изъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ вскользь Станиславомъ Ржевускимъ, я понялъ, что онъ тоже вступилъ въ тайное общество; недѣли за двѣ до возстанія онъ принесъ мнѣ записку Килинскаго, которую распространяли съ цѣлю пріучить жителей Варшавы къ мысли о возстаніи. Я сильно сомнѣвался, чтобы все это могло быть скрыто отъ бдительнаго ока полиціи. Моя увѣренность въ этомъ еще болѣе усилилась, когда было арестовано нѣсколько офицеровъ и академиковъ. Въ обществѣ говорили, что была учреждена новая слѣдственная коммиссія, председателемъ которой былъ назначенъ генералъ Станиславъ Потоцкій, что засѣданія этой коммиссіи уже начались и что правительство напало на слѣдъ весьма важныхъ уликъ.

18-го октября я получилъ отъ Станислава Ржевускаго визитную карточку, на которой каравдашомъ были написаны нѣсколько начальныхъ буквъ. Въ тотъ день я не обратилъ на это особеннаго вниманія, но впослѣдствіи припомнилъ, что именно этотъ день, 18-го октября, былъ избранъ вначалѣ для возстанія. Намъ было извѣстно также, что въ варшавскомъ гарнизонѣ, послѣ возвращенія великаго князя, были приняты

особыя мѣры предосторожности. Баталіонамъ, составлявшимъ этотъ гарнизонъ, было приказано собираться въ случаѣ тревоги на двухъ площадяхъ; въ каждомъ кавалерійскомъ полку, въ одномъ эскадронѣ лошади всю ночь стояли осѣдланныя. Русскіе гвардейскіе офицеры говорили почти открыто, что если польское войско останется вѣрнымъ императору, то нечего бояться и что всякое уличное движеніе будетъ подавлено въ самомъ началѣ; въ противномъ случаѣ они считали себя погибшими.

Варшавскій гарнизонъ состоялъ изъ 9.600 человѣкъ пѣхоты, 2.400 человѣкъ кавалеріи и одной батареи конной артиллеріи; кромѣ того въ Варшавѣ находилась школа подпрапорщиковъ, состоявшая изъ 300 учениковъ, набранныхъ изъ разныхъ польскихъ и русскихъ гвардейскихъ и пѣхотныхъ полковъ; школа кавалерійскихъ подпрапорщиковъ, въ которой было 200 молодыхъ людей, поступившихъ также изъ польскихъ и русскихъ войскъ; наконецъ, аппликаціонная школа и школа артиллерійскихъ унтеръ-офицеровъ, у которой было 4 пушки.

Великій князь до послѣдней минуты рассчитывалъ на польское войско, въ особенности на свой любимый 4-й пѣхотный полкъ и на саперъ, коимъ онъ оказывалъ сравнительно съ другими частями особое благоволеніе; онъ никогда не допускалъ мысли, что съ этой стороны ему могла угрожать какая-нибудь опасность, и торжественно заявлялъ императору въ своихъ донесеніяхъ, что какъ бы то ни было, а на преданность польскаго войска всегда можно положиться.

Если бы онъ не былъ такъ увѣренъ въ этомъ, то еще въ октябрѣ онъ имѣлъ всѣ средства разрушить планы заговорщиковъ. Для этого стоило только двинуть въ Варшаву одну дивизію Литовскаго корпуса или хотя бы одну бригаду гренадеръ и стрѣлковъ, съ соотвѣтствующимъ количествомъ артиллеріи, вызвать изъ Скерневицъ и Горы 20 орудій, послать въ надежное мѣсто напр. въ Модлинъ 30.000 ружей и нѣсколько пушекъ, хранившихся въ варшавскомъ арсеналѣ; занять Модлинъ нѣсколькими баталіонами Литовскаго корпуса, подъ командою энергическаго начальника; привести наскоро эту крѣпость въ оборонительное положеніе, снабдить ее артиллеріей, боевыми снарядами и съѣстными припасами на три мѣсяца. Въ самой же Варшавѣ онъ могъ принять болѣе энергичныя мѣры предосторожности и сосредоточить полки русской гвардіи близъ Бельведера. Въ виду такихъ силъ и такихъ мѣръ предосторожности, руководители возстанія не рѣшились бы, вѣроятно, начать уличные безпорядки и отказались бы отъ своего замысла.

Между тѣмъ 17-го (29-го) ноября, въ 5 часовъ вечера, вернувшись домой изъ аппликаціонной школы, я приказалъ запретъ лошадей, намѣреваясь провести вечеръ у княгини Ловичъ и поблагодарить ее за

«Harmonie» Ламартина, которые она подарила мнѣ въ день моихъ именинъ 11-го (23-го) ноября.

Была ли то простая случайность или меня хранила судьба, но, какъ бы то ни было, кучера моего не оказалось дома. Будучи одѣтъ и не желая терять вечера, я рѣшилъ отправиться пѣшкомъ на Грибовую улицу къ г-жѣ Гутаковской. Погода была хорошая, морозило, и я пошелъ, закутавшись въ плащъ. Подходя къ желѣзнымъ воротамъ, я услышалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей. Остановившись, я спросилъ проѣзжавшаго мимо извозчика, не слышалъ ли онъ выстрѣловъ со стороны Краковскаго предмѣстья?

— Вы,—должно быть, ошиблись, панъ, это шумѣли, вѣроятно, мои дрожки,—отвѣчалъ онъ...

Но я не успѣлъ пройти и двухсотъ шаговъ, какъ снова раздались выстрѣлы. Увѣренный этотъ разъ въ томъ, что я не ошибся, я ускорилъ шагъ и зашелъ къ Генрику Забѣлѣ на Грибовой улицѣ. Я засталъ у него Эдуарда Рачинскаго, съ которымъ они преспокойно разглядывали чертежи и рисунки Лондонскихъ доковъ, ни мало не подозревая того, что дѣлалось въ городѣ. Они выслушали меня съ удивленіемъ и послали по моей просьбѣ слугу на Краковское предмѣстье узнать, что тамъ происходитъ. Онъ вернулся чрезъ нѣсколько минутъ и сообщилъ, что въ Варшавѣ бунтъ. Я поспѣшно простился съ Забѣлою съ намѣреніемъ отправиться въ аппликаціонную школу, куда меня призывалъ мой долгъ. На Грибовой площади я встрѣтилъ нѣсколькихъ подпрапорщиковъ пѣхоты, скакавшихъ верхомъ и кричавшихъ: «Москва и рѣжутъ нашихъ, поляки къ оружію!». Они не тронули меня, и я отправился на Банковую площадь, гдѣ увидѣлъ батальонъ сводныхъ гренадеръ подъ командою маіора Живульта со 2-мъ линейнымъ полкомъ. Я спросилъ его: «Что случилось, что вы тутъ дѣлаете?»

— Я тутъ по приказанію начальства,—отвѣчалъ маіоръ,—это мое мѣсто на случай тревоги, мнѣ приказано защищать банкъ. Я передаю команду г. полковнику, какъ старшему офицеру.

— Команда въ хорошихъ рукахъ,—отвѣчалъ я маіору;—что касается меня, то мое мѣсто въ аппликаціонной школѣ.

— Что же мнѣ дѣлать далѣе?—спросилъ Живультъ.

— Пока,—отвѣчалъ я,—защищать банкъ, держать батальонъ подъ ружьемъ и слѣдить за тѣмъ, что дѣлается вокругъ, разсылая во всѣ стороны патрули и ведеты.

Между тѣмъ до насъ долеталъ отголосокъ шума, происходившаго передъ арсеналомъ; слышны были крики людей и выстрѣлы. Въ эту минуту подошла школа конныхъ подпрапорщиковъ, состоявшая на половину изъ русскихъ, на половину изъ поляковъ, подъ командою подполковника Чарномскаго. Простоявъ на Банковской площади съ пол-

часа, они повернули обратно. Я оставался нѣкоторое время подъ галлереей банка; трудно было добраться до школы, хотя до нея было и недалеко, но улицы, ведущія къ ней, были переполнены вооруженными людьми; я встрѣтилъ тутъ генерала Копецкаго, графа Ельскаго, майора Войнаровскаго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ.

— Чѣмъ все это кончится?—спрашивали они.

— Пока русскихъ выгоняютъ изъ Варшавы,—отвѣчалъ я,—а черезъ мѣсяцъ будетъ война съ Россіей, конецъ которой можетъ предвидѣть каждый здравомыслящій человѣкъ, а въ результатѣ потеря свободы и тяжелая для насъ неволя!

Вотъ, что я говорилъ въ то время, ибо чего можно было ожидать отъ революціи, какъ не бѣдствія для народа? Вначалѣ, быть можетъ, немного славы, которая разлетится, какъ дымъ, а затѣмъ упадокъ страны, несчастіе семей, тысячи жертвъ... Какъ бы одаренный прозорливостью пророка, я видѣлъ въ то время ясно, какъ день, то, что ожидало насъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Это видѣли и другіе, но охватившая всѣхъ тревога, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ замыкала всѣмъ уста. Поговоривъ нѣсколько минутъ съ этими господами, я вошелъ въ домъ Замоискихъ и попросилъ знакомаго слугу дать мнѣ стаканъ чая, потомъ отправился къ себѣ на квартиру, бывшую въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, и, взявъ немного денегъ на всякій случай, вернулся къ банку. Тутъ я увидѣлъ, что положеніе дѣла значительно измѣнилось. Офицеры, собравшись безъ начальства, совѣщались между собою. Солдаты начали выходить изъ рядовъ. Разныя липа, арестованныя съ оружіемъ въ рукахъ въ арсеналѣ, шли мимо насъ съ криками: «да здравствуетъ отчизна». Въ этотъ моментъ передъ батальономъ вышли генералъ Феншовъ и капитанъ Безобразовъ, адъютантъ великаго князя. Первый пріѣхалъ изъ Бельведера окольными улицами; второй былъ встрѣченъ около ратуши залпомъ изъ ружей и едва не былъ убитъ. Феншовъ былъ возмущенъ тѣмъ, что великій князь ничего не предпринималъ въ столь важный моментъ, и, обратясь ко мнѣ, сказалъ (по-французски):

— Онъ оставляетъ насъ въ минуту опасности,—тогда какъ если бы дѣйствовать энергично, можно было бы еще все спасти, онъ колеблется и погубить всѣхъ насъ вмѣстѣ съ собою.

Къ намъ подѣхалъ также Владиславъ Замоискій, но, поговоривъ съ нами нѣсколько минутъ, отправился обратно. Генералъ Феншовъ проѣхалъ до Гломацкой улицы, но тутъ былъ окруженъ толпою и едва не поплатился за свою смѣлость жизнью.

Вскорѣ послѣ этого показался генералъ Станиславъ Потоцкій и, остановившись ненадолго предъ гренадерами Живульта, поѣхалъ по Римарской улицѣ, смѣло подвигаясь среди толпы, которой онъ объяснялъ

безразсудность ея поступка. Его окружили военныя и гражданскія лица разныхъ чиновъ и убѣждали стать въ главѣ ихъ. Но генераль отвѣчалъ, что не можетъ нарушить данной присяги и запятнать свою военную честь. Когда же они стали приставать къ нему все болѣе и болѣе энергично и хотѣли силою заставить его идти съ собою, то онъ протискался сквозь толпу и вернулся смущенный къ баталіону Живульта. Немного погодя, онъ приказалъ обезоружить толпу, шедшую мимо, которая была вынуждена сложить предъ фронтомъ гренадеръ Живульта оружіе, взятое изъ арсенала, которое они несли спрятаннымъ. Вслѣдъ за Станиславомъ Потоцкимъ человекъ около двадцати протиснулись въ ряды батальона и начали склонять на свою сторону гренадеръ. Потоцкій еще разъ обратился къ толпѣ, желая уговорить ее отказаться отъ своего намѣренія. Но все было напрасно,

Во время замѣшательства, происшедшаго среди гренадеръ Живульта, неизвѣстнымъ человекомъ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, и Станиславъ Потоцкій былъ смертельно раненъ. Его отнесли въ домъ Замоискихъ, гдѣ онъ скончался нѣсколько часовъ спустя. Вслѣдъ за нимъ удался съ Банковской площади начальникъ его штаба, генераль Мрозинскій, раненый въ шею штыкомъ.

Такъ погибъ храбрый воинъ, товарищъ Косцюшки и князя Понятовскаго, ревностный патріотъ, отъ руки тѣхъ самыхъ людей, которымъ было бы весьма важно имѣть на своей сторонѣ человека столь вліятельнаго и преданнаго общему дѣлу, какъ Станиславъ Потоцкій. Если бы ему было дано нѣсколько часовъ на размышленіе, то его навѣрно удалось бы склонить на нашу сторону, но его минуты были сочтены!

Послѣ того, какъ онъ былъ убитъ, никто уже не чувствовалъ себя въ безопасности, поэтому я вышелъ изъ толпы и вернулся домой, ожидая всю ночь дальнѣйшихъ событій, въ коихъ я не могъ принимать никакого участія.

На слѣдующій день, 18-го (30-го) ноября, ко мнѣ явился въ 10 часовъ утра Станиславъ Ржевусскій, прося дать ему что-нибудь поѣсть. Подкрѣпляя себя пищей, онъ разсказалъ мнѣ о событіяхъ этой ночи: нападеніи на Бельведеръ, смерти генерала Гауке, полковника Мецишевскаго, генераловъ Блюмера, Тренбицкаго, Новицкаго, Сементовскаго; арестованіи русскихъ генераловъ: Рихтера, Исакова, Энгельмана, Кривцова, Нессельроде; адъютантовъ Грессера и Бутурлина; польскихъ генераловъ: Риделя и Бонтана; о разграбленіи арсенала, изъ котораго народъ взялъ 30.000 ружей, и т. д. На мой вопросъ о томъ, кто руководить возстаніемъ и какія дальнѣйшія намѣренія поляковъ, онъ не могъ ничего сказать. Когда онъ ушелъ, я послалъ преданнаго мнѣ слугу Войцеха къ полковнику Совинскому узнать, что дѣлается въ

аппликаціонной школѣ. Ему сказали, что ученики до 9 часа вечера сидѣли спокойно въ своихъ залахъ; въ девятомъ часу толпа вооруженнаго народа ворвалась въ школу и не смотря на сопротивленіе полковника и офицеровъ силою вывела ихъ на улицу, откуда ни одинъ изъ нихъ еще не возвратился. Войцехъ сообщилъ мнѣ также, что волненіе не прекращается, и что офицеру нельзя показаться на улицѣ безъ пистолета или какого-либо оружія въ рукахъ и т. д. Я не выходилъ весь день изъ дома и только на слѣдующій, 1-го декабря, рѣшился выйти изъ своей квартиры и присоединиться къ начальнику школы.

Въ тотъ день рано утромъ ко мнѣ явились: инженерный капитанъ Вильсонъ и поручикъ того же корпуса Прширембель (Przyrembel); войдя ко мнѣ, они спросили, чтò я намѣренъ дѣлать? Вильсонъ сообщилъ мнѣ всѣ слухи, ходившіе въ городѣ, вслѣдствіе которыхъ весьма многіе легковѣрные люди перешли на сторону мятежниковъ.

— Мнѣ не нужно,—сказалъ я Вильсону,—никакихъ доводовъ, чтобы принять какое-нибудь рѣшеніе въ настоящую минуту. Я прежде всего полякъ! Коль скоро польскій народъ возстаетъ, я не намѣренъ отдѣлать своей судьбы отъ судьбы народа. Если онъ хочетъ погибнуть, то и я погибну вмѣстѣ съ нимъ. Но наше возстаніе есть война съ Россійской имперіей, которую не могъ побѣдить Наполеонъ, и всякій благомыслящій человѣкъ можетъ понять, каковъ будетъ ея результатъ для насъ. Что касается меня, то я останусь на своемъ мѣстѣ и буду дѣйствовать такъ, какъ долженъ поступить честный человѣкъ, преданный своему отечеству; быть можетъ, безъ увлеченія, которое я вижу въ васъ, но ровно и настойчиво до конца. Кто руководитъ возстаніемъ?

Вильсонъ отвѣчалъ, что до сихъ поръ никто изъ людей извѣстныхъ не сталъ во главѣ мятежниковъ, но что они рассчитываютъ на Хлопицкаго.

— Гдѣ же корпусный командиръ, генералъ Малецкій?

— Съ великимъ княземъ.

Взявъ пистолетъ и снявъ русскіе ордена и султанъ съ шапки, которые всѣ военные одѣли при началѣ революціи, оставивъ бѣлую ленту и кокарду, я вышелъ съ Вильсономъ и Прширембелемъ на Сенаторскую улицу. Первые лица, которыхъ мы встрѣтили, были статскій совѣтникъ Лудвигъ Платеръ и каштелянъ Дембовскій, оба съ саблями въ рукахъ и съ кускомъ бумаги на шляпѣ, на которомъ было написано: «народная гвардія». Они шли къ дому князя Любецкаго. На ихъ блѣдныхъ лицахъ замѣтны были слѣды волненія и безсонныхъ ночей. Въ ту сторону шла масса разнаго народа, всѣ съ оружіемъ въ рукахъ. На фасадѣ ратуши (домъ Яблоновскихъ) я прочелъ надпись: Witaj jutrzeńko wolności, za toba

idzie słońce swobody! ⁴⁾). На дворѣ зданія военной комиссіи мы увидѣли баталонъ саперъ въ волненіи, не поддающемся описанію.

Солдаты, набранные по большей части изъ варшавскихъ мастеровыхъ, полупьяные, начали уже грабить кассы и угрожали офицерамъ, которые старались обуздать ихъ своеволие. Офицеры и унтеръ-офицеры, которые всѣ хорошо знали меня, привѣтствовали меня громкими криками радости. Поздоровавшись съ ними, я началъ разспрашивать ихъ о томъ, что было наканунѣ, и узналъ о смерти капитана Терстеняка (Tersteniak), на котораго напали три сапера его роты въ его собственной квартирѣ и закололи штыками въ присутствіи его жены. Его вина заключалась въ томъ, что въ ночь 17-го (29-го) ноября онъ не сталъ во главѣ своей роты. По той же причинѣ солдаты стрѣляли въ подпоручика Піотровскаго, который былъ смертельно раненъ. Баталіонный командиръ, подполковникъ Майковскій, ожидалъ съ минуты на минуту той же участи.

У дворца я встрѣтилъ нѣсколькихъ офицеровъ, между коими былъ полковникъ Жванъ и полковникъ Альфонсъ. Въ эту минуту къ нашему кружку подъѣхалъ верхомъ пѣхотный подпоручикъ съ смуглымъ сумрачнымъ лицомъ и сказалъ, обращаясь къ намъ:

— Господа! все идетъ, какъ слѣдуетъ! Я былъ сейчасъ у генерала Хлопицкаго; онъ принимаетъ начальство надъ войскомъ. Революція, которой вы были свидѣтелями, есть дѣло моихъ рукъ. Это сдѣлалъ все я. Я Заливскій!

При этихъ словахъ всѣ переглянулись и остолбенѣли. «И такіе-то ничтожные люди руководятъ возстаніемъ!»—подумалъ каждый. Заливскій отъѣхалъ къ другой группѣ и повторилъ ей буквально то же самое. Мы пошли далѣе. На Медовой улицѣ стояла народная гвардія. Нѣсколько сотъ человѣкъ, вооруженныхъ разнокалибернымъ оружіемъ, начали строиться рядами. Чинovníки, купцы, ремесленники, артисты, рабочіе и т. д. стояли другъ возлѣ друга чинно, въ величайшемъ порядкѣ. На Красивской площади стоялъ 4-й баталіонъ пѣхотнаго полка съ полковникомъ Богуславскимъ и два орудія конногвардейской артиллеріи подъ командою поручика Гауке, сына убитаго военного министра. Наконецъ, я добрался до аппликаціонной школы и, поговоривъ съ полковникомъ Совинскимъ, отправился въ инженерное управленіе въ томъ же зданіи, гдѣ собралось нѣсколько офицеровъ. Всѣ эти господа думали только о томъ, какъ бы схватить лишній чинъ. 19-го ноября (1-го декабря) вечеромъ генералъ Хлопицкій, до тѣхъ поръ тщательно скрывавшійся, принялъ командованіе войсками съ цѣлью предупредить начинавшуюся анархію.

---

⁴⁾ Привѣтствую утро вольности, за тобою встаетъ солнце свободы.

20-го ноября (2-го декабря) генераль Салацкій приказалъ мнѣ составить списокъ всѣхъ инженерныхъ офицеровъ, находившихся въ Варшавѣ.

На слѣдующій день генераль Шембекъ вступилъ въ Варшаву во главѣ полка пѣхотныхъ стрѣлковъ, привѣтствуемый радостными криками народа, и присоединился къ мятежникамъ. Этотъ важный шагъ побудилъ тѣ части польскаго войска, которыя еще оставались вѣрны великому князю, измѣнить ему.

Въ тотъ же день, т. е. 20-го ноября (2-го декабря), великій князь принялъ въ Вержбнѣ депутацію, состоящую изъ князя Адама Чарторыйскаго, князя Любецкаго, Владислава Островскаго и Лелевеля, и заключилъ съ нею договоръ.

Когда генераль Шембекъ присоединился къ мятежникамъ, генераль Хлопицкій ввелъ въ Варшаву гренадерскій полкъ и конныхъ стрѣлковъ, во главѣ которыхъ ѣхали генералы: Жимірскій, Красинскій и Курнатовскій. Народъ встрѣтилъ войско рукоплесканіями, но на Банковской площади началъ угрожать генераламъ Красинскому и Курнатовскому, называя ихъ измѣнниками. Ярость толпы дошла до того, что если бы въ дѣло не вмѣшались Хлопицкій и Шембекъ, то этимъ генераламъ пришлось бы поплатиться жизнью за свои прежніе грѣхи. Они поспѣшили уѣхать изъ Варшавы: Курнатовскій въ Вроцлавъ, гдѣ онъ пробылъ до окончанія войны, а Викентій Красинскій въ Петербургъ.

Только 22-го ноября (4-го декабря) руководители возстанія вспомнили о Модлинѣ. Генераль Хлопицкій послалъ по ихъ просьбѣ подполковника Хржановскаго съ нѣсколькими ротами 8-го пѣхотнаго полка занять этотъ важный для мятежниковъ оборонительный пунктъ, въ которомъ помимо 50 орудій разнаго калибра находилось нѣсколько миллионовъ готовыхъ патроновъ и большой запасъ пороха. Комендантомъ крѣпости былъ артиллерійскій полковникъ Гугемусъ. Крѣпость совершенно не была приспособлена къ оборонѣ, въ ней не было стѣстныхъ припасовъ и ни одного пѣхотнаго солдата. О продолжительной оборонѣ нечего было и думать. Поэтому какъ только подполковникъ Хржановскій со своей пѣхотой подошелъ къ Сѣроцку, комендантъ началъ съ нимъ переговоры.

Русскому войску и артиллеріи было дозволено уйти въ Цѣхановецъ къ русской границѣ. Такимъ образомъ въ нашихъ рукахъ очутились большіе запасы пороха, пулъ и готовыхъ боевыхъ снарядовъ, безъ которыхъ война была бы окончена съ перваго сраженія. 5-го декабря утромъ я получилъ отъ генерала Салацкаго, принявшаго, за отсутствіемъ дивизіоннаго генерала Малецкаго, начальство надъ корпусомъ инженеровъ,—приказъ, коимъ онъ увѣдомлялъ меня о томъ, что, будучи назначенъ вновь учрежденнымъ правительствомъ завѣдывать матеріальной

частью артиллерійскаго и инженернаго корпусовъ, онъ предлагалъ мнѣ принять временно начальство надъ корпусомъ инженеровъ и вступить немедленно въ исполненіе моихъ новыхъ обязанностей.

Такимъ образомъ генералъ Салацкій предпочелъ занять болѣе безопасное мѣсто, возложивъ всю отвѣтственность за дальнѣйшія дѣйствія на меня. Побужденія, руководившія имъ въ этомъ случаѣ, не были для меня тайною, но мое желаніе послужить народному дѣлу было такъ сильно, что я не колеблясь занялся приведеніемъ Варшавы, Праги и Модлина въ оборонительное положеніе.

23-го ноября (5-го декабря) генералъ Хлопицкій рѣшилъ объявить себя диктаторомъ. Онъ приказалъ войску собраться на Марсовомъ полѣ и обратился къ нему со слѣдующею рѣчью:

— Такъ какъ настоящее критическое положеніе требуетъ величайшей съ нашей стороны энергіи и всякая задержка въ дѣйствіяхъ можетъ имѣть роковыя для нашего народнаго дѣла послѣдствія, — то, руководствуясь не честолюбіемъ и желаніемъ власти, ибо я далекъ отъ этого, а требованіемъ событій, по примѣру римлянъ, которые въ случаѣ опасности, угрожавшей отечеству, довѣряли высшую власть диктатору, — я объявляю вамъ, полякамъ, вамъ, храбрымъ польскимъ рыцарямъ, что я принимаю на себя на короткое время, т. е. до собранія сейма, диктаторскую власть, по собраніи же сейма я передамъ эту власть въ его руки. Вѣрьте мнѣ, соотечественники, что я употребляю эту власть только на вашу пользу.

На эту рѣчь войско и народъ отвѣчали криками: «да здравствуетъ диктаторъ! да здравствуетъ отечество!»

Генералъ Хлопицкій, окруженный многочисленною свитою, прибылъ верхомъ на Марсову площадь.

Благородная осанка, мужественное лицо, пронизательный взглядъ, громкій голосъ, созданный для командованія, произвели на всѣхъ сильное впечатлѣніе; онъ походилъ на богатыря, взявшаго въ свои руки бразды правленія для того, чтобы поразить враговъ.

Иосифъ Хлопицкій родился въ Галиціи въ 1772 г.; хотя ему было уже подлѣ 60 лѣтъ и онъ участвовалъ на своемъ вѣку во многихъ походахъ, начавъ свою военную карьеру подъ командою Костюшки въ 1792 г., но трудности боевой жизни не сломили его здоровья, и онъ казался моложе своихъ лѣтъ.

Пенсія, которую онъ получалъ (отъ русскаго правительства), и дохода съ маленькаго имѣнія, даннаго ему Наполеономъ, могло хватить на скромную жизнь въ Варшавѣ, но страсть къ карточной игрѣ заставляла его искать общества русскихъ генераловъ, коимъ онъ проигрывалъ большую часть своихъ денегъ. Я встрѣчался съ нимъ у Михаила Мипельскаго и у г-жи Вонсовичъ, за нѣсколько лѣтъ до возстанія. Я не могъ

не уважать его, какъ храбраго воина, но я не видѣлъ въ немъ качествъ человѣка, могущаго держать въ своихъ рукахъ бразды правленія или быть главнокомандующимъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ французскихъ генераловъ, называемыхъ *routiniers* (рутинеры), которые не видятъ ни поля битвы и ничего кромѣ орудiйнаго дыма и которыхъ богъ войны не одарилъ стратегическимъ даромъ. Къ этому надобно прибавить, что онъ любилъ хорошо поѣсть, былъ готовъ играть въ карты съ кѣмъ попало, не выбирая людей и мѣста, часто проводилъ время праздно, не читалъ никакихъ военныхъ сочиненiй и обладалъ такимъ запальчивымъ и раздражительнымъ характеромъ, что князь Адамъ Чарторыйскiй говорилъ о немъ, что онъ никогда не видалъ военнаго, болѣе дурно воспитаннаго.

Какую цѣль могъ имѣть Хлопицкiй, взявъ на себя бремя диктатора, въ столь важный для народа моментъ, когда каждый потерянный часъ могъ имѣть пагубное влiянiе на ходъ дѣла? Казалось, у него не могло быть иной цѣли, какъ, признавъ совершившуюся революцію, которую уже никакiя человѣческiя силы не могли сдержать, упорядочить власть народа, увеличить наши вооруженныя силы, направить народный энтузиазмъ въ одну сторону и начать безнадежную войну съ Россiей. Такъ казалось всѣмъ, такъ думалъ и я. Вслѣдствiе этого, объявленiе объ его диктатурѣ было принято всѣми съ восторгомъ. Кто бы могъ думать въ то время, что храбрый солдатъ мечталъ о чемъ-либо иномъ и былъ съ самаго начала польщенъ мыслию подавить революцію и повергнуть ее обезоруженную къ стопамъ императора Николая?

Въ моментъ провозглашенiя диктатуры я находился на Марсовомъ полѣ; я шелъ задумавшись мимо школы подпрапорщиковъ, разставленной предъ фронтомъ войска, какъ вдругъ одинъ изъ подпрапорщиковъ, выйдя изъ рядовъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Мы видимъ на лицѣ нашихъ штабъ-офицеровъ явную печаль и неудовольствiе по поводу совершившагося. Развѣ они не раздѣляютъ нашихъ чувствъ къ отчизнѣ?

— Я полагаю, — отвѣчалъ я, что такъ называемая вами печаль есть не что иное, какъ забота о будущемъ. Вы радуетесь полученной свободой! Мы предвидимъ войну съ державою, которую въ Европѣ никому еще не удалось побѣдить, которую самъ Наполеонъ не могъ осилить. Не мудрено, что мы задумываемся надъ тѣмъ, какъ ее вести, такъ какъ это будетъ борьба на жизнь и смерть, быть можетъ, это будетъ для насъ послѣдняя борьба. Но успокойтесь! Штабъ-офицеры польскаго войска исполняютъ свою обязанность и будутъ помогать вамъ, молодымъ людямъ, на полѣ битвы своей опытностью. Могу за это вамъ поручиться.

Эти слова произвели на подпрапорщика благопрiятное впечатлѣнiе: онъ пожалъ мнѣ руку и отошелъ къ товарищамъ, чтобы передать имъ

мои слова. Я видѣлъ по выраженію ихъ лицъ, что мои слова соответствовали самымъ пламеннымъ ихъ желаніямъ. Нѣсколько минутъ спустя послѣ этого разговора, генералъ Хлопицкій остановился передъ фронтомъ подпрапорщиковъ, благодарилъ ихъ за молодецкое самопожертвованіе и общалъ, что они будутъ вознаграждены за все сдѣланное. Они всѣ были произведены въ подпоручики и зачислены во вновь формировавшіеся третьи и четвертые батальоны. Такимъ образомъ онъ отдѣлался сразу отъ ненадежной въ рукахъ этой молодежи революціонной силы.

Между тѣмъ великій князь съ русскимъ войскомъ безпрепятственно выступилъ изъ Варшавы и шелъ, не встрѣчая никакой помѣхи, къ Пулавамъ и, переправившись тутъ, 25-го ноября (7-го декабря) на лодкахъ, явился 14-го декабря въ Влодаву, на границу Литвы. Этотъ спокойный маршъ въ то время, когда вся страна волновалась, не мало удивилъ всѣхъ сколько-нибудь дальновидныхъ людей. Почему русскія войска не были обезоружены и взяты въ плѣнъ? Пять тысячъ вооруженныхъ человекъ, 3.000 лошадей и 20 орудій стоили того, чтобы постараться объ этомъ. Великому князю, стѣсненному между польскимъ войскомъ Вислою и австрійской границей, ничего не оставалось бы, какъ дать сраженіе либо отдаться въ плѣнъ. Этого требовала демократическая партія, во главѣ которой стояли Лелевель, Мохнацкій, Брониковскій. Но Хлопицкій былъ глухъ къ ихъ требованіямъ и энергично оспаривалъ мысль о возможности атаковать великаго князя. Между тѣмъ время уходило. Когда великій князь перешелъ Вислу, подходящий моментъ былъ упущенъ, и сдѣланную крупную ошибку уже нельзя было исправить.

Намъ предстояло рѣшить важный вопросъ, а именно, слѣдовало ли намъ тотчасъ по совершившейся революціи двинуться съ войскомъ въ Литву, вызвать тамъ возстаніе, обезоружить литовскій корпусъ и начать кампанію на берегу Днѣпра и Двины.

Какъ плохо знали нашу страну, средства Польши и ея военное положеніе и могущество Россіи тѣ люди, кои дѣлѣли въ своемъ воображеніи столь легкомысленные проекты! Во-первыхъ, вся, такъ называемая завоеванная страна состояла изъ Литвы, Волыни, Подоліи и Украйны, простираясь отъ Буга и Нѣмана до Днѣпра и Двины и отъ Балтійскаго моря до береговъ Днѣстра. Эта мѣстность занимаетъ въ ширину 60, а въ длину 135 миль и раздѣляется на двѣ части болотами, которыя тянутся вдоль Припети: на этомъ пространствѣ имѣется только три дороги, доступныя для войска съ юга на сѣверъ, и тотъ, кто владѣетъ имъ, можетъ свободно пройти изъ Волынской губ. въ Литву.

Въ половинѣ января русскіе могли сосредоточить въ окрестностяхъ Вильны и Бѣлостока 118.600 человекъ пѣхоты, 400 орудій и 15.300

человѣкъ кавалеріи, не считая казаковъ, а на югѣ могли мобилизовать черезъ три мѣсяца армію въ 43.500 человѣкъ пѣхоты, 21.229 кавалеріи и 334 орудій.

«Каждая изъ этихъ двухъ армій, взятая въ отдѣльности, была достаточно сильна, чтобы подавить возстаніе. Какія же силы могли мы противопоставить русскимъ? Не болѣе какъ двѣ пѣхотныя дивизіи, т. е. 26.700 человѣкъ пѣхоты, 5.400 человѣкъ кавалеріи и 10 ракетныхъ станковъ, всего 32.100 человѣкъ!»

Если русскимъ войскамъ нужно было время для того, чтобы сосредоточиться, то и мы не были готовы сразу. Намъ надобно было еще сформировать парки, заготовить съѣстные припасы, боевые снаряды и т. п.

Итакъ намъ предстояло выступить изъ Варшавы съ этими двумя дивизіями пѣхоты и двумя дивизіями кавалеріи, не имѣя парковъ и боевыхъ снарядовъ, идти къ Брестъ-Литовску, овладѣть этимъ пунктомъ и тутъ только приступить окончательно къ сформированію нашего войска. Изъ этого пункта намъ предстояло налечь на мѣсто стоянки Литовскаго корпуса, разъединить его отряды, обезоружить одни изъ нихъ, склонить другихъ перейти на нашу сторону, внести возстаніе въ Литву и т. д. Лелевель и демократическая партія разсчитывали навѣрняка на то, что, при нашемъ появленіи, Литовскій корпусъ присоединится къ намъ со своей артиллеріей и знаменами. Правда, въ этомъ корпусѣ было не мало молодыхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ поляковъ, но большая часть солдатъ и унтеръ-офицеровъ были русины и литовцы, отличавшіеся отъ насъ языкомъ, религіей, обычаями и издавна преданные своему знамени. Почти всѣ дивизіонныя, бригадные, полковыя, батальонныя и даже ротныя командиры были русскіе или нѣмцы. Склонить ихъ на нашу сторону было дѣломъ не легкимъ. Кромѣ того, командовавшій корпусомъ генераль Розень принялъ необходимыя мѣры предосторожности, изъ коихъ одна, весьма важная, состояла въ томъ, что онъ перевелъ многихъ офицеровъ поляковъ въ другіе корпуса, во внутреннія губервіи Россіи и замѣнилъ ихъ коренными русскими офицерами.

Изъ всего этого вытекаетъ, что надежда привлечь Литовскій корпусъ на нашу сторону или возможность обезоружить его принадлежала къ числу тѣхъ несбыточныхъ мечтаній, которыя были порождены революціей.

Движеніе отъ Брестъ-Литовска въ глубь страны, напр. къ Вильно, или Минску, также было бы очень опасно и могло повлечь за собою самыя нежелательныя послѣдствія. Если бы мы осадили Брестъ съ одной дивизіей пѣхоты и дивизіей кавалеріи, что же осталось бы у насъ для дѣйствія противъ русскихъ отрядовъ, надвигавшихся со всѣхъ сто-

ронъ, какія силы могли бы мы выставить противъ южной арміи, которая получила приказаніе перейти нашу границу не позже 17-го февраля (1-го марта)? Быть можетъ, мы могли противопоставить имъ энергію, вѣру въ революцію? Пустыя слова, которыми никто не побѣдилъ еще ни одной арміи, состоящей изъ слишкомъ твердыхъ основъ, чтобы они могли уступить подъ натискомъ чарующихъ насъ словъ!

Между тѣмъ проигранное сраженіе въ Литвѣ было бы вторыми Мацювицами, и чѣмъ далѣе оно произошло бы отъ Вислы и отъ нашихъ запасныхъ магазиновъ, тѣмъ оно имѣло бы болѣе пагубныя послѣдствія.

Чѣмъ далѣе мы углубились бы въ Литву, тѣмъ болѣе южная армія угрожала бы Бресту и Варшавѣ.

Изъ этого ясно, что движеніе въ Литву съ самаго начала было немислимо, и что, даже взявъ Брестъ, мы не могли долго удержаться въ немъ.

Хлопицкій, какъ человѣкъ опытный въ военномъ дѣлѣ, былъ, вѣроятно, того же мнѣнія; поэтому, должно быть, онъ такъ энергично и оспаривалъ проектъ Лелеведа двинуть войско въ Литву.

Но возвратимся къ Варшавѣ.

Тотчасъ по полученіи приказа отъ 23-го ноября (5-го декабря), я дѣятельно занялся разработкою плана обороны Праги, Варшавы и Модлина и прежде всего обратилъ вниманіе на устройство предмостнаго укрѣпленія въ Прагѣ. Производство работъ было поручено мною инженеръ-капитаву Лелеведу, которому были даны въ помощники четыре офицера и два кондуктора. Работы были начаты.

25-го ноября (7-го декабря) все населеніе Варшавы высыпало на валы, какъ въ 1794 г. Тутъ были цехи со значками во главѣ, монашескіе ордена, школы, училища; всѣ соревновали другъ передъ другомъ, принимая участіе въ насыпкѣ валовъ. Это создало много неурядицы; надобно было имѣть много терпѣнія и времени, чтобы водворить порядокъ среди этихъ восторженныхъ работниковъ; но то, что было начато слабыми, изнѣженными руками, было dokonчено опытными работниками, и дѣло кипѣло. Зрѣлище было во всѣхъ отношеніяхъ любопытное и отрадное.

26-го ноября (8-го декабря) я отправился въ Модлинъ для осмотра крѣпости, которая оказалась въ самомъ плачевномъ, разрушенномъ состояніи. Моста черезъ Вислу не было вовсе. Я немедленно приоткупилъ къ работамъ.

Нѣсколько времени спустя комендантомъ Модлина былъ назначенъ артиллерійскій полковникъ Ледоховскій, ветеранъ 1812 г., потерявшій ногу въ сраженіи подъ Лобау, который употребилъ всевозможное стараніе, чтобы привести крѣпость въ надлежащее состояніе.

Что касалось укрѣпленія Варшавы, то оно представляло большія трудности вслѣдствіе чрезвычайной раскинутости города и его предмѣстій.

Но для того, чтобы рѣшить вопросъ, какую систему укрѣпленій надлежало принять для такого обширнаго города, надобно было прежде всего знать намѣренія диктатора. Я не имѣлъ доступа къ нему и не могъ представить ему безъ спроса никакого плана обороны Варшавы, такъ какъ я видѣлъ по примѣру Прондзинскаго и Крыжановскаго, что онъ умѣетъ быстро отдѣлаться отъ непрошенныхъ совѣтниковъ: изъ нихъ первый былъ посланъ въ Замостье, а второй въ Модлинъ помощниками комендантовъ за то, что они осмѣлились высказать въ его присутствіи свои планы кампаніи. Поэтому мнѣ пришлось ожидать возвращенія генерала Малецкаго, который, пріѣхавъ въ Варшаву, вступилъ снова въ управленіе корпуса инженеровъ.

Я долженъ былъ во всемъ сообразоваться съ его приказаніями, такъ какъ диктаторъ совѣтовался только съ нимъ. Малецкій, умѣвшій угодить и нашимъ и вашимъ, снискалъ довѣріе диктатора, точно такъ же, какъ онъ счумѣлъ снискать у великаго князя; онъ бывалъ у Хлопицкаго на обѣдахъ и говорилъ во всеуслышаніе, что диктаторъ прекрасно знаетъ фортификацію. Съ такою же похвалою онъ отзывался обыкновенно обо всѣхъ начальствующихъ лицахъ. Поэтому отъ совѣщаній съ генераломъ Хлопицкимъ нельзя было ожидать ничего хорошаго.

Впрочемъ, онъ одобрилъ всѣ распоряженія, сдѣланныя мною въ его отсутствіе.

По приказанію диктатора была организована коммиссія изъ генераловъ Малецкаго и Бонтана, изъ которой должны были исходить всѣ распоряженія по инженерной части.

Первое предложеніе, съ коимъ я обратился въ коммиссію, заключалось въ сформированіи изъ отставныхъ солдатъ, саперъ и минеровъ резервнаго батальона, который я предполагалъ употребить при сооруженіи укрѣпленій Варшавы, Праги и Модлина; что касалось Замостья, то я предложилъ сформировать изъ захваченныхъ нами дезертировъ піонерную роту для крѣпостныхъ работъ.

Коммиссія отказала мнѣ въ томъ и другомъ, назначивъ отставныхъ саперъ въ артиллерію; существовавшій же саперный батальонъ былъ распределенъ такимъ образомъ, что одна рота піонеръ была назначена въ Модлинъ, другая въ Замостье, а понтонная рота въ артиллерійскій паркъ, такъ что у меня осталась всего одна рота саперъ, которая несла службу при главной квартирѣ и при войскахъ. Для производства работъ въ Варшавѣ и Прагѣ не осталось ни одного солдата; такимъ образомъ инженерная служба была дезорганизована съ самаго начала.

Этой услугой мы были обязаны главнымъ образомъ генералу Малецкому.

Другая моя просьба касалась артиллеріи, а именно я просилъ дать мнѣ 200 орудій для вооруженія Варшавы и Праги, 100 орудій для отправки въ Замостье и 100 для посылки въ Самсоново и Суходнево, но въ этомъ мнѣ также было отказано.

Будучи такимъ образомъ весьма стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ, я долженъ былъ тѣмъ не менѣе приступить къ дѣлу. Первымъ дѣломъ чадобно было обезпечить столицу отъ нападенія непріятельскаго отряда, который могъ перейти Вислу выше или ниже Варшавы и воспользоваться отдаленіемъ нашихъ главныхъ силъ для того, чтобы овладѣть столицей, уничтожить наши запасы и разстроить наши оборонительныя средства.

Каково бы ни было намѣреніе диктатора, думалъ ли онъ вести переговоры или начать наступательную войну или ожидать нападенія со стороны русскаго войска, во всякомъ случаѣ его первому обязанностью было увеличить наши силы, насколько позволяли средства страны. Въ первомъ случаѣ, желая выговорить какъ можно болѣе выгодныя условія, намъ было необходимо быть сильными; во второмъ случаѣ, если мы хотѣли воевать съ Россіей, то намъ слѣдовало быть еще сильнѣе. Хлопицкій оказался въ этомъ случаѣ человѣкомъ недалновиднымъ.

28-го ноября (10-го декабря) князь Любецкій отправился вмѣстѣ съ депутатомъ Зезерскимъ (Zezierski) въ Петербургъ, чтобы сообщить императору о положеніи дѣлъ въ королевствѣ и склонить его вступить съ нами въ переговоры.

Наши требованія сводились главнымъ образомъ къ слѣдующимъ двумъ пунктамъ:

Строгому соблюденію конституціи и амнистіи всѣмъ участвовавшимъ въ возстаніи; посланнымъ велѣно было упомянуть между прочимъ и о надеждѣ поляковъ, что къ королевству будутъ вновь присоединены отторгнутыя отъ него провинціи.

На всѣ эти пункты Николай I, какъ императоръ всероссійскій, разумѣется, не могъ согласиться. Любецкій понималъ это какъ нельзя лучше, но ему не хотѣлось оставаться долѣе въ Польшѣ, ему хотѣлось быть въ болѣе безопасномъ мѣстѣ, и пѣздка въ Петербургъ вполнѣ соответствовала его желаніямъ.

5-го (17-го) декабря, Хлопицкій заявилъ въ присутствіи собравшихся депутатовъ сейма и сенаторовъ, что онъ представитель конституціоннаго короля, что онъ не намѣренъ нарушить данной Николаю присяги, что его желанія не идутъ далѣе конституціонныхъ правъ, что онъ никогда не помышлялъ о возвратѣ отторгнутыхъ провинцій, такъ какъ императоръ никогда на это не согласится, и что онъ присвоилъ

себѣ диктаторскую власть только для того, чтобы спасти страну отъ революціонной анархіи, и никакихъ иныхъ цѣлей добиваться не будетъ.

Эти слова поразили присутствующихъ. Понимая, какое впечатлѣніе заявленіе диктатора должно было произвести на народъ, они рѣшили не оглашать его истинныхъ намѣреній.

6-го (18-го) декабря, въ 6 часовъ вечера, сеймъ объявилъ возстаніе 17-го (29-го) ноября дѣломъ народнымъ.

Въ отвѣтъ на этотъ рѣшительный шагъ сейма диктаторъ въ тотъ же вечеръ сложилъ съ себя власть. Волненіе въ Варшавѣ въ тотъ день и на слѣдующій день было необычайное.

Такимъ образомъ страна осталась безъ правительства, войско безъ главы.

Но хотя депутаты сейма рѣшили держать заявленіе, сдѣланное диктаторомъ, въ тайнѣ, но публика вскорѣ узнала истину. Всѣ съ тревогою спрашивали другъ друга: что намѣренъ дѣлать Хлопицкій? Неужели мы останемся безъ руководителя? А войско роптало и говорило, что оно пойдетъ противъ непріятеля только подъ командою Хлопицкаго.

Сеймъ вторично собрался на совѣщаніе и снова предложилъ Хлопицкому диктаторскую власть, которую тотъ, ко всеобщему удивленію, тотчасъ изъявилъ согласіе принять.

Насталъ второй періодъ диктатуры, продолжавшійся съ 8-го (20-го) января по 4-е (16-е) февраля.

Что имѣлъ въ виду Хлопицкій, принимая вторично диктаторскую власть, послѣ того какъ революція была объявлена дѣломъ народнымъ? Быть можетъ, онъ предполагалъ измѣнить свой образъ дѣйствій и послѣдовать за общимъ теченіемъ? Едва ли! Откровенно изложивъ свой взглядъ въ присутствіи депутаціи отъ сейма, онъ могъ предполагать, что сеймъ одѣлъ его неограниченной властью на тѣхъ условіяхъ, которыя были имъ заявлены. Поэтому его нельзя обвинять въ двуличности, а лишь въ томъ, что онъ упорствовалъ вопреки волѣ народа и понималъ положеніе дѣлъ превратно.

Послѣ всего бывшаго 17-го (29-го) ноября уже нельзя было вступать ни въ какіе переговоры. Императоръ могъ требовать отъ насъ не подчиненія какимъ-либо условіямъ, а полнаго повиновенія и наказанія участниковъ возстанія. А мы, вмѣсто того, чтобы подчиниться его власти, требовали прекращенія злоупотребленій, соблюденія конституціонной хартіи, всеобщей амнистіи, говорили объ отторгнутыхъ у насъ провинціяхъ и въ то же время усипленно вооружались.

Могли ли, при подобныхъ условіяхъ, къ чему-либо привести переговоры? Я въ этомъ сильно сомнѣваюсь.

А между тѣмъ Хлопицкій настаивалъ на своемъ и рѣшалъ начать

съ конституціоннымъ королемъ переговоры отъ имени народнаго правительства!

Въ этомъ слѣдуетъ винить не его, а тѣхъ, кто, зная его образъ мыслей и намѣренія, вручили ему власть—Лелевеля, Звержовскаго и прочихъ членовъ патріотическаго клуба.

Съ обѣихъ сторонъ дѣятельно готовились къ войнѣ.

9-го (21-го) ноября диктаторъ послалъ своего адъютанта Вылежинскаго въ Петербургъ съ письмомъ къ императору, приказавъ ему вернуться 26-го декабря (7-го января) съ отвѣтомъ или хотя бы даже безъ него.

Вылежинскій возвратился 6-го числа, но не привезъ рѣшительнаго отвѣта, а только письмо къ Хлопицкому отъ статсъ-секретаря графа Грабовскаго, въ которомъ говорилось, что императоръ весьма доволенъ чувствами, высказанными Хлопицкимъ въ его письмѣ, и готовъ повѣрить имъ, ежели диктаторъ докажетъ ихъ на дѣлѣ согласно съ волею его величества, возвѣщенною польскому народу 6-го (18-го) января ¹⁾.

Прочитавъ это письмо, Хлопицкій заявилъ сейму, что послѣ этого онъ не можетъ долѣе оставаться у власти, и совѣтовалъ, какъ съ самаго начала, начать переговоры при посредничествѣ Пруссіи, указывая на могущество Россіи, на ничтожество нашихъ силъ, на недостатокъ у насъ военныхъ запасовъ и т. п. Депутаты оспаривали его слова. Завязался горячій споръ, и наконецъ, когда Янъ Ледоховскій сталъ упрекать его въ упорствѣ, то Хлопицкій отвѣчалъ, что никакія силы въ мірѣ не заставятъ его сохранить диктатуру.

Тогда сеймъ избралъ въ члены народнаго правительства князя Адама Чарторыйскаго, Ст. Баржиковскаго, І. Лелевеля, Т. Моравскаго и В. Нѣмцовскаго. Командующимъ войсками былъ назначенъ князь Михаилъ Радзивиллъ, котораго Хлопицкій обѣщалъ поддерживать своимъ совѣтомъ.

Съ этой минуты война сдѣлалась неизбежною. Послѣдняя надежда на примиреніе исчезла. 13-го (25-го) января, когда по предложенію Романа Солтыка было объявлено о низложеніи императора, Ледоховскій воскликнулъ: «Нѣтъ болѣе Николая I».

Началась война, окончившаяся, какъ и слѣдовало ожидать, побѣдою русскихъ войскъ и окончательнымъ включеніемъ Польши въ составъ Россійской Имперіи.

¹⁾ Въ воззваніи къ польскому народу госуляръ требовалъ наказанія всѣхъ участниковъ возстанія, освобожденія русскихъ плѣнныхъ, прекращенія вооруженій, распушевія войска и т. д.